

Сергей ПРОКОПЬЕВ

В ОДЕССУ – К БАТЮШКЕ ИОНЕ

БЕДА

Первый рассказ раба Божия Иоанна

Папа мой – из уральских казаков. Недавно прочитал, казаки-уральцы в большинстве своём придерживались старой веры. Гнула их власть, притесняла два века, а поди ж ты – грянула революция и не поддались на приманку коммунистов о создании рая на земле. Из всех казачьих войск уральцы самыми преданными оказались царю-батюшке и Отечеству. Не пошли в красные под лозунгами «Власть советам!» и «Грабь награбленное!».

Родителей отца, моих бабушку с дедушкой, в лихие годы выслали с Урала. Сначала в Северном Казахстане жили, потом перебрались в Курган. Старой веры не держались, были православными. Отец носил фамилию Дьяков, не исключено, кто-то из предков был церковнослужителем.

Отец верил в Бога. Врезалась в память картина – мы с ним в храме. Одно из первых воспоминаний детства. Мне года четыре, вторая половина пятидесятых, жили в районном селе, а тут отец взял с собой в Омск. Тёплый летний день, ехали в кузове грузовой машины. Потом Казачок – казачий рынок. Открытые ряды, лошади у ворот. Отец купил мороженое. Кажется, ничего вкуснее того мороженого в жизни ни до, ни после не ел. В стаканчике, сладкое...

Потом церковь. В памяти отложилось: вот мы с отцом на рынке, проходит короткое время – стоим в храме. Словно совсем рядом от рынка церковь, всего лишь выйти за ворота. Всего два храма действовали в Омске: Никольский – на Труда, да Крестовоздвиженский – на Тарской. Но точно не на Труда.

У бабушки по маме, бабушки Лены, была икона – Божия Матерь. Заходишь в комнату и первым делом видишь её, в углу висела. Куда после смерти бабушки подевался образ, так и не удалось выяснить. Спрашивал у мамы, тётки – пожимали плечами. А теперь уже и спросить не у кого. Бабушка моли-

лась по утрам, вставала у иконы, молитвы она знала наизусть.

Каким-то образом воспринял дошколёнком от отца ли, от бабушки, что Бог есть, жил с уверенностью – Он есть. Маленького (лет пяти-шести-семи) оставят дома. Днём не боялся, хоть полдня мог сидеть в одиночестве, с сумерками заползал страх в сердце: а вдруг мама с папой до ночи не вернуться? Встану на коленки: «Боженька, помоги, пожалуйста, чтобы мама с папой пришли быстрее. Мне страшно. Очень тебя прошу, Боженька». Была полная уверенность: надо хорошо попросить Боженьку, и мама с папой обязательно придут. Потому что всегда так и случалось. Помолюсь, а вскоре калитка стукнет. Подхватываюсь – и к двери, крючок откидывать. Калитка стукнула, собака не залаяла, значит, мама с папой...

Мама была коммунисткой. Верховодила сначала среди сельской молодёжи – секретарь комсомольской организации. А в войну поставили её председателем колхоза. Молодая женщина, можно сказать, девчонка, только-только замуж вышла – и руководитель большого хозяйства. Крепко ей доставалось, но выдюжила. В войну основная рабочая сила – бабы да подростки, вместе с ними билась на трудовом фронте. Надо и планы поставок государству выполнять в соответствии с призывом «Всё для фронта, всё для победы!», и колхозников кормить. Справлялась.

Папа у меня Дьяков, а я – Савченко. В чём нестыковка? Мама по первому мужу Савченко. Алексей Семёнович Савченко был на четыре года старше неё, директор школы. В начале сорок первого поженились, а на пятый день войны мама проводила Алексея Семёновича на фронт. Их дочь Надежда родилась без него. Был Алексей Семёнович командиром разведроты, погиб в сорок втором под Ленинградом. Но сначала считалось – пропал без вести. Только в середине семидесятых, я уже училище оканчивал, Надежда поехала в Ленинград, разыскала по архивам и когда погиб Алексей Семёнович, и братскую могилу, где был похоронен с другими бойцами.

После войны мама с папой сговорились пожениться, а их не расписывают. Нет документального подтверждения, что первый муж погиб. Мама послала запросы в архивы, но или плохо искали, или формально отнеслись... По закону более одного мужа иметь не полагается, маме сказали: «Антонина Андреевна, мы вас уважаем, но, извините, пока не будет документального подтверждения, что разведены или муж погиб, оформить брак не сможем».

В метрическом свидетельстве меня записали по фамилии матери. Отдавая в первый класс, отец договорился, и меня записали под его фамилией.

После восьмого класса друзья подались в Омск, в авиационный техникум, я, как в том кино – «все побежали и я побежал» – подался за компанию поступать в авиаторы. Свидетельство об окончании школы оформляли не со слов отца, а по документам, с той поры из Дьякова превратился в Савченко.

Отец горевал, единственный сын не стал продолжателем фамилии...

С техникумом не получилось, вернулся в школу и после окончания десятилетки поступил в танковое училище. На этот раз шёл не за компанию, решение стать офицером вызрело в старших классах. Подавал документы в училище осознанно и страшно боялся. Конкурс, как в престижный столичный вуз, одиннадцать человек на место. В авиационный техникум почему не поступил, потому что завалил математику и десять классов окончил более чем средненько – семь троек в аттестате.

Учителем математики в старших классах была Софья Петровна Приданцева, умница, не нянчилась с нами. Не один раз повторяла, когда мямлил у доски:

– Савченко, будь ты моим сыном, драла бы и драла тебя кнутом, утром для зарядки, вечером для крепкого сна! Моего сна, заметь, не твоего. Ты ведь умный парень, но лень твоя раньше тебя на свет появилась. Кончится тем, что будешь скотником.

– Не буду, – упрямо твердил.

Позорище, конечно, такое слушать на виду у всего класса.

– А куда тебя возьмут с такими блестящими знаниями и прилежанием. Да и на скотном дворе коровы могут на рога поднять, коли из-за твоей лени по титьки в навозе будут стоять круглые сутки.

Окончил училище, приехал в родное село, шагаю с автобусной остановки по улице, новёхонькие лейтенантские погоны на плечах золотом горят. День солнечный, нет-нет да и скошу глаза, полюбуюсь на долгожданные звёздочки. Чемоданчик в руках. Счастливый!

Софья Петровна навстречу. Остановилась, улыбается:

– Савченко, скажи честно, не иначе в училище попался старшина, который из тебя лень вышиб. Я не смогла, родители не сумели, а он нашёл на тебя правило!

– Не, Софья Петровна, – говорю, – сам за ум взялся!

– Ой не верю!

И расцеловала:

– Молодец, Савченко! Горжусь!

Без всякого старшины с правилом учился. Но сначала поступить надо было. Боялся не сдать эк-

замены, молил Бога. Жили в палатках. После отбоя лягу, натяну одеяло на голову и молюсь своими словами. К Господу обращался и Сергия Радонежского умолял. Знал, что есть такой святой, отец говорил: «Сергий Радонежский – твой небесный покровитель».

Обещал Господу в училище хорошо учиться, только бы поступить.

На экзаменах парни, у кого четвёрок было меньше, чем у меня троек, остальные пятёрки, срезались, а мне каждый раз попадалось, что знал. Сдал всё на твёрдое хорошо.

Бывало, и в училище молился после отбоя. Всякое случалось: малодушничал, трусил, против совести шёл. Знал, грех это. Просил: «Господи, прости, пожалуйста».

Учиться трудно было. Одновременно и учились, и служили. На прошлой неделе мороз ударил под тридцать, все за голову схватились: ай-ай-ай, какой колотун! У нас, бывало, минус сорок пять, а мы в карауле. На посту стоишь, тулуп до пят, рот полотенцем завяжешь, дышишь сквозь него, иней нарастёт игольчатым ворсом сантиметров в пять. И ничего. Даже ворчали, зачем вместо двух часов, как в нормальную погоду на посту, всего час. Толком не поспать, сменившись, чуть прикорнул – и опять автомат в руки...

В семьдесят пятом году окончил училище. Послали, само собой, не в Приарбатский военный округ, так Подмосковье называли, отправили в Забайкальский. Читинская область, полчаса – и китайская граница. Не пограничник, но служить довелось на четырёх границах: китайской, иранской, турецкой и польской.

Служба шла хорошо, всего восемь месяцев был командиром взвода, потом поставили командиром роты, а это капитанская должность. Через три с половиной года появилась возможность в Германию поехать, да гордыня раньше меня родилась, поспорил с командиром, и с Германией меня прокатили, а потом и с Чехословакией, в результате вместо Европы поехал в Армению, в Закавказский военный округ, что под боком у Турции с Ираном. Но майорскую должность получил. Потом перевели в Нахичивань, это уже Азербайджан.

Год отслужил и подал документы в бронетанковую академию имени маршала Малиновского. Тоже с кондачка не поступишь, если нет у тебя такого счастья, как дедушка генерал. Со всего Союза приезжали желающие. Тогда в армии было более пяти миллионов воинов, танковая группировка насчитывала шестьдесят тысяч танков, и всего четыреста

человек на курс в академию набирали. Молил Бога, просил помощи. И поступил. Окончил в восьмидесят шестом, послали в Прикарпатский военный округ. Получил там полковника и попросился в СибВО – в Омск. Все рвались на запад, а я с запада на восток, с элитного военного округа в Сибирь, мама заболела, нужен был уход.

Через два года пенсию заработал и написал рапорт. Можно было служить и служить, передавать опыт молодёжи – не захотел. Велеречивый борец за трезвость товарищ Горбачёв начал развал армии, почитатель зелёного змия господин Ельцин продолжил чёрное дело.

Тылы у меня все годы мотаний из округа в округ, из части в часть были отличные. Жена Нина, дай Бог каждому мужчине такую хозяйку в доме, такой души спутницу по жизни. Двое сыновей. Старший, Антон, прошёл с нами все гарнизоны.

После школы полгода поучился на экономическом факультете в университете и сказал:

– Не моё.

Мать ему:

– Тебя же в армию заберут.

– Пусть. Косить не буду.

Шла война в Чечне. Я мог подключить знакомых, но не стал переубеждать сына.

Службу начал он в Омске, в учебке ВДВ, после неё отправили в Екатеринбург. Демобилизовался весной, сдал экзамены в университет путей сообщения. Тридцать первого июля – зачисление, тридцатого – погиб.

Что произошло – неизвестно. Нашли в Омке под Горбатым мостом.

Мама моя умерла за три года до этого. Когда она тяжело заболела, начал я ходить в церковь. Приду, ничегошеньки не знаю, ни как записку подать, ни как молебен заказать. Да и не понимал, зачем это? Смотрю, что-то пишут. Спросить гордыня не позволяла. Дескать, мужик до седых волос дожил, бабки, молодёжь, как рыба в воде, он в церкви ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Приду на службу в храм на Тарскую, постою, молитвы послушаю. Своими словами попрошу за маму, жену, сыновей.

Год ходил вот так. Потом познакомился с отцом Николаем. И прикипел к нему. Мы почти ровесники. Когда я попросился в духовные чада к нему, он замахал руками, мол, какой он духовник, сам недавно в сане, ты что? Отказался поначалу. Священником отец Николай стал, имея два светских высших образования. Во-первых, технарь, окончил институт водного транспорта, на реке несколько лет работал, во-вторых, диплом омского худграфа имеет.

Хорошо рисует, иконы пишет. Плюс ко всему кандидат в мастера спорта по боксу. Разносторонний человек. Я, кстати, тоже в училище боксом занимался, до первого разряда дошёл. Много у нас общего.

У отца Николая бабушка была глубоко верующей. Рассказывал, что старец Иона Одесский (это когда тот ещё и старцем не был, а отец Николай не был священником) учил его, что православный не тот, который много о Боге говорит, а тот, который чувствует сердцем, что человек в чём-то нуждается, к примеру, просто-напросто голоден. Ты накорми его, поддержи чем можешь. Бабушка Николая жила на Урале. После войны пленные немцы работали у них в посёлке. Могла пригласить незнакомого немца в дом: «Тяжело тебе, солдатик, садись поешь». Немец ей: «Давай, матка, поработаю, что-то сделаю». Как так задарма за стол садиться, чужой кусок хлеба есть? Она поставит перед ним на стол картошку, молока нальёт: «Ешь». И это притом что муж с войны не вернулся (больше и не вышла замуж), два брата погибли. А она кормит немца, воевавшего с ними. Тот поест, в благодарность попросят дров поколоть или что-то отремонтировать по хозяйству, в огороде поделать.

«Отец Иона сам был такой, – рассказывал батюшка Николай. – Я улизну из монастыря на море. Лето кончается, последние жаркие дни, так хочется покупаться. Самочинно сбегу на море.купаюсь, загораю, плавать любил, вода тёплая, заплыву подальше... Солнце, небо... После купания проголодаюсь, а монастырь уже потрапезничал. Просить неудобно. Зайду к батюшке Ионе в насосную. Он глянет на тебя: «Есть, поди, хочешь? Возьми, на столе рыбка тарелкой накрыта, хлеб». Я не есть, жрать хочу. Рыбу в минуту умну, чаю попью, батюшке на ходу брошу «спаси Бог» – и дёру, чтобы не стал расспрашивать, где меня носило. Ему и расспрашивать не надо, так всё видит. Чувствовал сердцем, что человек в чём-то нуждается, голодный или на душе тяжело, и всегда помогал».

Познакомился отец Николай с будущим духовником Свято-Успенского одесского патриаршего монастыря отцом Ионой (Игнатенко), когда ездил поступать в Одесскую семинарию. Это ещё в советское время. Много о нём рассказывал, а потом повёз меня к нему. Это когда беда у меня случилась.

Нашли моего Антона в Омке в одежде. Как ушёл из дома в джинсах, футболке, кроссовках, курточке, погода прохладная стояла, так и нашли. Одно дело – купался и утонул, другое – одетым в воде оказался.

Я к отцу Николаю, отпеть надо. Он даже растерялся. А вдруг руки на себя наложил?

82

– Не должно быть, – говорю, – всё хорошо у парня. В университет поступил. Зачисление – простая формальность. Проходной балл набрал. Да и не набрал бы, не из маменькиных сынков впадать в отчаяние. После армии вообще повзрослел.

Отец Николай говорит:

– Давай так, я к владыке Феодосию пойду, если благословит, то считай, Бог благословил на отпевание.

Митрополит выслушал отца Николая и принял решение: «Отпевай».

Груз с души у меня упал, легче стало. Значит, церковь может молиться за Антона, буду панихиды заказывать, записки подавать.

И всё же точила мысль: «А вдруг суицид?». Никаких свидетелей милиция так и не нашла. Опять же – как ночью в том районе сын оказался? Живём на Левобережье. Мог, конечно, с кем-то, как они говорят, тусоваться. После сдачи экзаменов на полную катушку расслаблялся.

Прошло две недели после похорон, жена – никакая. Просто себя не чувствовала. Я и сам места не находил, на неё посмотрю – сердце кровью обливается, мне плохо, а ей вообще.

Спрашивает меня:

– Зачем жить после этого? Зачем?

Отцу Николаю рассказал, мы с женой – его духовные чада, венчал нас.

– Что делать? – спрашиваю. – Как быть? Боюсь за неё...

– Давай-ка, – говорит, – поедem в Одессу к батюшке Ионе.

КАК Я НЕ СТАЛ СЕМИНАРИСТОМ

Рассказ протоиерея отца Николая

В 1986 году поехал в Одессу поступать в семинарию. Сказать, что было твёрдое желание стать иереем, – нет. Не считал себя достойным. Получилось так, что два знакомых по приходу парня собрались в Одессу в семинарию, я про себя подумал, почему бы мне не попробовать. Тем более – лето, море. Семьей не обременён, деньги на поездку – не проблема. Пошёл за благословением к владыке Максиму, архиепископу Омскому и Тюменскому. Владыка меня не знал и напрямую не дал благословения, отправил к отцу Борису, настоятелю храма на Трудах, дескать, раз ты туда ходишь, пусть он решает.

Игумен Борис мне нравился, был из батюшек старого закала. Выслушал и сказал:

– Есть желание попробовать – поезжай, а там как Бог даст. Поживёшь в монастыре, помотришь

монашескую кухню изнутри, может, тебе и не понравится. Пройди этот искуc.

Я и поехал, положившись на волю Божию.

Ректор Одесской семинарии протоиерей Александр Кравченко (интеллигент, интеллектуал) на беседевании огорошил меня: «Слушай, ну зачем мы тебе нужны? Мы ведь отщепенцы! А у тебя два высших образования. Ты коммунизм должен строить, а не с нами, попами дремучими, молиться».

Я к тому времени окончил Новосибирский институт водного транспорта, на реке поработал, армию отслужил, потом окончил худграф Омского пединститута. Ректор семинарии честно сказал, что одесский уполномоченный по делам религий костью ляжет, не даст добро на такого семинариста, как я. И руководство семинарии по шапке может получить за самостоятельность и утрату бдительности. Молодой самостоятельный мужчина, на обучение которого государство уйму денег потратило, вместо того чтобы со всем народом строить рай на земле, вознамерился увильнуть под иконы, съехать на обочину столбовой дороги в светлое коммунистическое будущее.

Потом-то я узнал, в КГБ имелась негласная установка с высшим светским образованием не допускать «в попы».

Собрал я вещи... Понятно, в каком настроении уходил из Свято-Успенского монастыря, на территории которого семинария располагается. Иду и у ворот столкнулся с отцом Ионой. Ничем иным, как промыслом Божиим, это встречу не назовёшь. Был он тогда всего лишь иноком. Потёртый старенький-старенький подрясник. В монастыре был уже около пятнадцати лет.

Увидел меня, понуро бредущего с чемоданом в руках, поинтересовался, отчего печаль-кручина на светлом лице. Объяснил, что с семинарией не получилось, ректор отец Александр наладил домой, слышном оказался образованным для будущего иерея.

Батюшка Иона выслушал и убедительно посоветовал:

– Не спеши, Николай, в свою Сибирь, никуда она не денется без тебя.

Предложил остаться хотя бы дня на три. И повёл за собой в насосную станцию, что находилась рядом с воротами монастыря. Так я остался в монастыре на два года. В насосной была у батюшки Ионы келья, в ней держал косы, грабли. В ней отбивал (стояла чурка с бабкой) косы. Отобьёт, мне даст брусочек: «Точи». Помещение просторное, насос где-то в углу, в глаза не бросался. Включался время от времени. Уже в то время к отцу Ионе, хотя он был

простым иноком, в насосную шли люди, позже это будет одна из келий, в которой старец Иона станет принимать стекающихся к нему со всей Украины (и не только) многочисленных паломников.

На следующее утро батюшка позвал меня монастырским коровкам траву косить. По берегу моря вблизи монастыря располагались дома отдыха, на пустырях рядом с ними среди кустарников косили мы траву. Угодья такие, что не разгонишься в трудовом азарте «раззудись плечо, размахнись рука»: на одном пятачке пару-тройку раз литовкой махнёшь, на другом покрутишься. Недавно в интернете попала чёрно-белая фотография батюшки Ионы, стоит на высоком берегу в старом подряснике, за спиной море, а в руках коса лезвием вверх. Именно таким он был в то время.

Ему понравилось, как я запросто с косою обращаюсь. Ну а як же – парень-то я наполовину деревенский.

– Молодец! – похвалил.

Как он косил, я, конечно, не мог, да и никто в монастыре. Прокос широкий... Так-то не Илья Муромец, но в грудь в шутку кулаком стукнет себя, и, как по железу ударит, – звон.

С той косьбы начались мои монастырские послушания и общение с батюшкой, его покровительство. Первые две ночи оставлял меня на ночлег в насосной, затем в келью в монастырских воротах определил, потом в монастырскую гостиницу устроил. Жил я нелегально, без благословения отца настоятеля. Недели через три батюшка Иона представил меня эконому отцу Виталию (Гаенко). Сказал, что проверено – сибиряк не из белоручек, работающий, зря монастырский хлеб есть не будет. Эконом против меня ничего не имел, замолвил слово наместнику монастыря отцу Вадиму (Семяшко). Тот благословил остаться трудником.

Отец Виталий новоиспечённого насельника сразу отправил в польмя, на коровник – самое тяжёлое послушание монастыря. Ну да работой меня не запугаешь, зато на коровнике познакомился с архимандритом Арсением, родным братом отца эконома. Много позже понял, каким подарком для меня были монастырские послушания, Божиим промыслом сподобился быть рядом с редкими людьми и исповедниками веры православной. Тогда не думал об этом и не понимал. Ну, хорошие люди, очень хорошие, не более того. Тот же отец Иона, мог ли я представить, что в скором будущем он станет игуменом, духовником монастыря и почитаемым в православном мире старцем, в келью к которому будут приходиться за благословением греческие епископы,

патриарх Кирилл, а уж простой люд нескончаемой вереницей потянется за утешением, исцелением, духовными советами. Батюшка не стремился к званиям, наградам, не стремился во что бы то ни стало стать иереем, нет – был человеком редчайшего смирения. Единственное, о чём мечтал при мне, – попасть на Афон. Собрал целую коллекцию видов Святой горы. Пел песни про Афон. Голос у него был тихий, ровный...

Я, грешным делом, думал, мечтать не вредно, кто тебя пустит на Афон. В советское время паломничество туда простым смертным было практически невозможно. Власти ставили всевозможные препоны, они стремились добить русские монастыри на Афоне, даже общение с соотечественниками всячески пресекали. Обитатели разваливались, монахи голодали, братия естественным образом убывала, притока насельников не было. При мне лишь келаря отца Никона неожиданно для него самого включили в делегацию от патриархии. Что было почти чудом.

К счастью, я ошибался. Мечтать, оказывается, не вредно, вредно не мечтать – батюшка девятнадцать раз ездил на Афон, подолгу жил там. Ему предлагали остаться на Святой горе – отказался, был верен Свято-Успенскому монастырю. И понимал, насколько он нужен людям.

87 Батюшка вечно кого-то устраивал в монастыре. Смотрю, на тележке везёт гору матрасов, значит, надо паломников обеспечить ночлегом. Если в гостинице мест не было и в насосной под завязку ночующих набралось, размещал страждущих прямо в храме. На него ругаются, орут: «Иона, куда ты опять?». А он по-своему делает. Каши из трапезной паломникам принесёт – ешьте. К нему шли и шли люди за его молитвами. Терпеливый на редкость. Ты десять раз одно и то же можешь спросить – ответит. Не было такого, занервничал, дескать, сколько можно долбить одно по одному? Мне бы двух раз хватило, чтобы отшить непонятливого вопрошающего. Он ко всем, кто бы ни обращался – учёный, колхозник, бомж, одинаково относился... Душа просто неземная...

Любил молиться, любил службы, не курался никакого труда...

Я не понимал тогда, что передо мной великий угодник Божий. Знал, чувствовал, что он большого сердца человек, который тебе как близкий родственник, как отец родной, но не поверил бы, скажи кто: пройдёт совсем немного времени, и батюшка будет сравним с Кукшей Одесским.

Архимандрит отец Арсений, с которым работали на коровнике (тоже станет в девяностых годах

духовником монастыря), убирал за коровами, доил их. Из себя не богатырь, но посмотришь на руки – трудяга. Был родным братом отца эконома архимандрита Виталия.

Отец Виталий – легендарная личность, на протяжении многих лет бессменный экономом монастыря. Тяжкое послушание (шутка ли – всё хозяйство монастыря на нём) нёс до старческих седин – не могли найти достойную замену. Кого ни поставят – не тянет. Неделю-другую помается, чуть вникнет в суть дела, увидит, сколько всего в хозяйстве монастыря (насосная, дизельная, холодильники, коровник, свинарник, гараж, склады, водопровод, канализация), за голову схватится и бежит к отцу наместнику: «Нет-нет-нет, не справлюсь!». Отец Виталий как взвалил этот крест на себя в молодости, так и нёс до преклонного возраста, пока отец Христофор не взял бразды правления хозяйством в свои руки.

В моё время отец Виталий был ого-го-го – бравый, красивый человек. В холодное время ходил по обители в генеральской папахе из серого каракуля, ремнём офицерским подпоясанный. Генерал – одно слово. Юмора только не воспринимал. Я пару раз пошутил и понял, не проходит, надо осаждать себя в его присутствии. В прошлом моряк-подводник, отец Виталий пользовался большим уважением у военных моряков, подразделение которых располагалось впритык к монастырю. Морякам частенько излишки молока с нашего коровника доставались, в пост – особенно. Было взаимопольное сотрудничество: моряки нам помогали чем могли, монастырь – им.

К отцу Виталию много где с уважением относились, его знали в колхозах, на предприятиях. Он обращался к кому-то с проблемами монастыря, в свою очередь, обитель в долгу не оставалась. Ну и дипломатия. Кого-то приходилось задабривать. Уполномоченному по делам религии что-то везли из монастыря. Я сам однажды участвовал в распилке и погрузке дров, которые ему на дачу предназначались. Монастырское вино ему отправляли. Начальство областного ГАИ задабривали.

Хозяйство обители строилось в советское время по принципу максимальной автономии – ни от кого не зависеть. Своя монастырская насосная станция – воду из скважины качать в случае отключения или поломки городского водопровода. Дизельная подстанция – вдруг город электричество отрубит. От безбожной власти всё можно ожидать. Были годы, когда и воду отключали, и электричество, брали на измор, дабы сделать жизнь в обители невыносимой, выдавить монахов. Расстреливать уже

не расстреливали, как при Ленине-Сталине, но в покое не оставляли никогда.

Мне поручали самые разные послушания, как-то доверили информацию о наличии секретного склада бензина. Об этом знали и имели доступ к складу человека два-три в монастыре. На его территории была тайком от чужих глаз спрятана, зарыта в земле, большая ёмкость, в которой на экстренный случай, вдруг на заправках не станет горючего, хранился бензин. И ведь случалось – в городе возникали перебои с ним. Не один раз отец эконом посылал меня к ёмкостям с канистрой. Делалось это со всеми предосторожностями. Чаше по темноте, кому-то срочно понадобится ночью ехать, и машину надо заправить...

Имелись склады продовольствия. Там хранились продукты, овощи, фрукты, закрутки собственного приготовления, бочки с вином. Хранилища заполнялись не по щучьему велению. На территории монастыря содержались огороды, виноградник. Всё было продумано, грамотно организовано, рационально использовалось. На чердаках хранились орехи, висели связки лука. Отвечал за обширное хозяйство отец эконом.

Располагал монастырь своим гаражом с набором легковых и грузовых автомобилей. Даже представительская «Чайка», редкая в Советском Союзе машина, имелась. Патриарха встречать или заграничного гостя. Отец Лаврентий, лучший водитель монастыря, садился в «Чайку» и ехал в аэропорт или на вокзал. При мне приезжал Касьян-сан, православный монах из Японии. Из Индии индус однажды пожаловал, имя не помню, тоже монах. И тому, и другому нравилось гулять по территории монастыря. Вся без исключения братия работает, они прохаживаются.

Отцы шутили:

– Николай, возьми к себе на коровник Касьян-сана!

– Ага, – скажу, – корова хвостом сшибёт хлипкого японца, потом отец благочинный мне устроит Цусимское сражение, а отец настоятель – Порт-Артур. Пусть лучше отец Геннадий в канализационный колодец возьмёт с собой японца. Подрясник у Касьян-сана самый подходящий для сантехнических работ.

Подрясники что у японца, что у индуса светлые. Такие наши монахи не носили. Только митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров), жил он на территории обители в архиерейских покоях, мог себе позволить, из простых монахов – никто. Только архиереи. Это сейчас – без году неделя, как монашеский постриг принял, уже в светлом подряснике

85

вышагивает. Тогда никто бы тебя не понял, вырядись таким образом. Касьян-сан вальяжно прогуливается по аллеям, и обязательно какой-нибудь наш нерадивый к нему пристроится, вроде как сопровождает гостя. Отцы иронизировали: «Сам сан палец о палец не ударит, ещё и наших искушает».

Даже фуникулёр, редкий на то время механизм, в монастыре имелся. Обитель – на высоченном берегу. С него по тросу, к морю спускающемуся, ходила кабинка. В конце пирса имелась крохотная монастырская территория с небольшим огороженным бетонными плитами домиком. Монахи купались. Но шли на водные процедуры пешком, фуникулёр предназначался только для случаев приезда патриарха в свою летнюю резиденцию. Монастырь патриарший, на его территории располагалась патриаршая резиденция, всегда готовая к приёму святейшего.

Когда мы с Иваном Антоновичем приезжали, от фуникулёра мало что осталось – плоды перестройки были видны во всей красе. Проржавела кабинка, исчез подъёмный механизм, как и домик на пирсе. Лестница, что к морю от монастыря спускалась (через сад проходишь, калитка, а за ней лестница деревянная), была в жутком состоянии – ступеньки подгнили... Иван чуть ногу не сломал. Провалился, хорошо вовремя среагировал и подался назад, иначе бы полетел вниз и поломался. И от домов отдыха, что стояли рядом с монастырём, одни руины остались.

Отец Виталий был строгий, не переносил нерадивых, но заботливый. Как-то меня и ещё троих семинаристов отправил в колхоз за сеном. Немного помочь колхозникам, кроме того, привезти в монастырь прессованного сена на монастырской машине. Рано утром выезжать нам на послушание, вечером, смотрю, отец Виталий везёт на тележке объёмистый фанерный ящик. Казалось бы, эконом, распорядись – и без тебя всё сделают, нет, сам позаботился. В ящике – колбаса копчёная, сыр, масло, картошка свежая, консервы дорогие и трёхлитровая банка монастырского вина. Целый ящик еды собрал. Говорит: «Хлопцы, если что не съедите – не везите обратно, местным жителям оставьте!» И заговорщически добавляет (мы-то не видим, что там в ящике): «Я вам немного кое-что положил, но только после работы. Колхозу поможете, и тогда кое-что есть. Пост, конечно, но у вас работа тяжёлая, вам можно». Не сказал: «Не расслабляйтесь, помните, пост идёт». С пониманием отнёсся – молодые, работа напряжённая, весь день на свежем воздухе. Благословил не только скромное есть, но и вина выпить после работы.

Причём всё предусмотрел. Заглянули, в ящике, кроме еды и «кое-чего», – рабочие рукавицы, полотенца, мыло... Вечером после работы помолились, поели, вина выпили, помянули добрым словом отца эконома.

Кроме сена, колхозники дали нам арбузов из расчёта: сколько заберёте – всё ваше, всё равно пропадут. Бахча таких размеров, устанешь от края до края идти, колхозники самые хорошие арбузы собрали, остальные бесхозно бросили, хоть в футбол играй. Спелые, вкусные, на базаре таких не найдёшь – и никому не нужны...

Отец Виталий редко служил литургию или всенощную, хозяйство требовало постоянного внимания. Но Божьей милостью однажды я сподобился вместе с ним послужить. Когда с Иваном Антоновичем приезжал, в храме Андрея Первозванного с отцом экономом вдвоём раннюю литургию служили.

Отец Виталий ко мне хорошо относился, год моего трудничества прошёл, он пообещал провести меня кандидатом в семинарию. Договорился с ректором отцом Александром. Я даже какое-то время походил в кандидатах. Однако и на этот раз ректор вызвал на разговор и сказал, что уполномоченный по религии всё равно не разрешит мне учиться. Ничего за год не поменялось. Лучше пока оставаться в тени. Негласную установку не допускать людей с высшим светским образованием в «попы» КГБ не отменило.

Я отцу Виталию доложил, он развёл руками, что, мол, тут поделаешь, остаётся терпеть и ждать.

В монастырь часто приезжали монахи из Почаева, Псково-Печерского монастыря, Киево-Печерской лавры, приглашали меня в гости. Иногда отец Виталий отпускал, иной раз на мою просьбу скажет: «Лучше воздержаться. Там сейчас майор КГБ орудует, как бы потом не аукнулось тебе». Оберегал, чтобы никуда не влез. Но и понимал, мне нужны впечатления от других обителей.

В Киев, в Свято-Вознесенский Флоровский монастырь, сам отправил: «Поезжай дней на пять, посмотри, как матушки живут». Попутно какое-то поручение дал. По приезде первым делом пошёл я к благочинной, та послала к матушке Александре. Захожу, а в келье русская печь. Полноценная русская печь. Вовсе не для музейной красоты. Эксплуатировалась по полной программе. Матушке Александре лет восемьдесят, она у печи каждый Божий день орудует. Назначила себе послушание, заводит ведёрную кастрюлю теста и каждое утро печёт пирожки, печенье, шанежки и отправляет монахинь со стряпнёй в онкологическую лечебницу. Захожу к ней, она воскликнула: «О, монах пришёл!».

На мне пальто батюшки Ионы. Прохладно было, батюшка настоял, чтобы я надел его пальто, кто-то подарил ему. Когда батюшка игуменом стал, сам в нём на паломничества ездил. Легендарное пальто. Серое, в рубчик. Фасон не последней моды, но добротное и тёплое. У меня есть две фотографии, на одной я в этом пальто у главного входа Одесской киностудии, на второй (из интернета скачал) – батюшка Иона на Святой земле в нём.

Матушка Александра первым делом меня поручением нагрузила. Наладила на Крещатик – купить масла и ещё целый перечень продуктов, выделила сорок рублей, приличные деньги по тем временам. Крещатик рядом, монастырь на Подоле находится, идёшь по Андреевскому спуску – и вот она, обитель.

Быстро сбегал, всё купил, вернулся, матушка усадила за стол, начала кормить. Объединение, как у бабушки на Урале. Русская печь она и в Африке русская. Всё естественным образом парится, жарится, до вкусного состояния доходит. Отведал матушкиных бесподобных пирожков.

В монастыре было заведено: гостей сначала к матушке Александре отправляли, которая определяла, кого куда. Обязательно кормила... У неё наелся, еле дышал. Поговорили, пока ел. Жизнь матушка прожила сложную... Что меня удивило, хоть и пострадала в годы репрессий, прошла ГУЛАГ, на собственном примере узнала, что такое гонения на верующих, сказала, что есть настоящие коммунисты и не надо путать их с проходимцами. Что-то заговорили о коммунистах. У меня чуть не вырвалось, хотел свои три копейки вставить, что это сплошь карьеристы, ловчи́лы да подлецы... А она говорит: «Настоящий коммунист – отец и брат для всех. Случалось, настолько были принципиальные, стрелялись от бессилия. Ему план спускают: расстрелять, скажем, триста человек... А он достаёт пистолет и пускает себе пулю в лоб... Нет, брат Николай, были среди коммунистов настоящие люди...» Ни от кого от монахов не слышал такое... И в ГУЛАГе, говорила, были настоящие коммунисты...

Благодаря жизни в Одессе я узнал тех отцов и матушек, кто шёл в церковь, в монастырь осознанно, выстраданно, наперекор всему. Сейчас приходится сталкиваться со случайными людьми и в монашестве, и в священниках. Тогда мирские власти и сам мир противостоял церкви, а сейчас мирское проникает к нам. Я пятнадцать лет прослужил, прежде чем стать протоиереем. Сейчас глядь, года два как рукоположили его, уже камилавку получил, крест золотой. Понимаю, время другое, скорости другие, да гордыня, тщеславие – всё те же, нельзя

потакать им. А недоброжелатели рады, тычут в церковь пальцем, то не так, это не эдак...

Вернулся из Флоровского монастыря, отец Виталий спрашивает:

– С матушкой Александрой познакомился? Как тебе старушка?

– Уникум, – говорю, – пирожки вообще объединение.

– Что верно, то верно! Этого у неё не отнять! И молитвенница!

Если отец Виталий всегда был на виду в монастыре, его брат отец Арсений в тени держался. Служил в храме в свою седмицу, канон любил читать (я любил читать благодарственную молитву по Святому причастию), но чаще отец Арсений на коровнике смирялся. Работа ломовая. Жилы на руках как канаты. А сам по себе непритязательный и добрый. Заправляли на коровнике две монахини. Вот уж гром-женщины. Все их боялись, даже отец Виталий старался не связываться. Им слово, они сто тебе. Отца Иону, когда ещё в послушниках ходил, помоями облили, рассказывал, стал перечить коровницам, ну и получил из ведра. Одна мыла подойник, батюшка заспорился с ней. Недолго думая, окатила с ног до головы, чтобы в следующий раз при себе держал особое мнение на предмет правильных порядков в коровнике. Смиряли всех. Ничего не стоило пожаловаться митрополиту Сергию, матушки ему молоко носили, ну и докладывали, если что не так в мычащей епархии.

С владыкой однажды столкнулся у святого источника. Он шёл с каким-то важным человеком. А я вырливаю в застиранном рваном подряснике... В монастыре в свободном доступе были подрясники для использования в качестве рабочих халатов. Я в подряснике последней ветхости везу на тележке в трапезную картошку. Владыка меня останавливает... Над источником купол, его изнутри покрасили, стараясь небесный цвет изобразить, но получилось не ахти. Что-то голубовато-зеленовато-желтоватобледное.

Митрополит подзывает меня:

– Ну-ка посмотри, что-то мне цвет не глянется.

– Да, владыка, – говорю, – намешали какой-то бодяги.

– Я тоже почувствовал: не то. – И говорит спутнику: – Вот, видите, трудник тоже не согласен.

Шла подготовка к тысячелетию Крещения Руси. Ожидалось много гостей. Всё было важно. Возможно, спутник владыки и приложил руку к покраске купола. Я его, получается, подставил, сам того не ведая. Владыка откровенно спросил, я честно ответил.

Матушки-коровницы, что там говорить, не за страх, а за совесть работали с утра до вечера. Кро-

ме коровника, ещё и свиарником командовали. Монахи мясо не едят, поросят для семинаристов откармливали. На своём послушании матушки закалили железный характер.

Я жил рядом с коровником. Бывало, и ночью падал под раздачу: то корова телится, то ещё какая загогулина. Только вроде прилёт, тарабанят в раму, да так, что того и гляди – все стёкла полетят по закоулочкам: «Мыкола, бисова семья! Коровка мукает, порося хрюкает, вин лэжит!». У матушек неподалёку, тут же на территории монастыря, стоял домик, огороженный отдельным забором, к домику вёл от коровника проулочек. Всё под охраной злющих собак – никто свободно не мог пройти ни к матушкам в келью, ни на коровник. Меня, отца Арсения, отца Иону, отца эконома собаки хорошо знали, проблем не возникало. Рекс – самый злющий пёс. Мы с ним отлично ладили. Запросто гладил, ещё кусочек какой-нибудь дам ему в знак дружбы. Но не вздумай приближаться, если кость грызёт. Я в тот вечер заблудился, подхожу, Рекс меня хват. Посчитал, претендую на его лакомство. Кость бросил и в первое, что было ближе всего, вонзил клыки. Страшно повезло, прокусил туфлю между пальцами правой ноги. Прошил рядом с большим. Летние лёгкие туфли, как сейчас помню, чешские, фирмы «Цебо», поизносились уже, вид непарадный имели, только на коровник ходить, тем более мне за неделю до этого отец Арсений хорошие туфли подарил. Рекс клыками пробил верх и подошву, рычит, тащит на себя. Я на задницу упал, пытаюсь вырваться... Руками в землю упираюсь. Боюсь, подтянет меня, перехватит и отчекрыжит полступни. Зубы такие, свиные косточки, как сушки, хрумяют. И туфлю, как ни силюсь снять, со страшной силой Рекс тянет её. Кое-как исхитрился, при помощи левой ноги скинул. Отпрыгнул и бежать. Рекс туфлю в будку затащил. На следующий день как ни в чём ни бывало, завидев меня, завилял хвостом. А туфлю в мочалку превратил. Так разозлился, что на его кость позарились.

Основная братия вообще о монастырском коровнике имела туманное представление. Тем более знали – не собаки, а смерть на коровнике. Если возникла срочная необходимость, допустим, отца Виталия искали, на забор, отделяющий коровник, заходили и кричали оттуда.

Сколько раз, особенно по первости, монахини жаловались на меня. Отец Виталий придёт на коровник и ну отчитывать: «Шо ж ты зробыл, окаянный, как тебе не стыдно?» Я начну каяться: «Винуват, батько, всё исправим!» Пошумит-пошумит, видит, монашки отошли, не слышат, сменит тон: «Не

журись, Мыкола, опять наговорили владыке. На, поешь». Сунет пару пирожков или горсть конфет. Владыка Сергей поручил ему отреагировать на жалобу, он удовлетворил наказ высокопреосвященнейшего.

И отец Арсений меня подкармливал. Подоит коров, баночку молока оставит, причём с учётом острых языков коровниц. Им всё равно, архимандрит или кто. Ничего не стоило сказать, что отец Арсений монастырское молоко разбазаривает по чём зря, тогда как каждый литр на учёте. Он баночку накроет от бдительных глаз, а мне тихонько скажет: «Попей парного, под скуфьёй оставил». Или грушу, виноград принесёт в качестве угощения, а то из одежды что-нибудь: «На, пригодится».

Отец Арсений однажды спас батюшку Иону. Его сразу не приняли трудником в монастырь, жил в пещере, вырытой в обрывистом берегу. Её можно было увидеть со стороны моря: высоченный яр, в нём пещера. А ещё жил под стеной монастыря, это со стороны коровника, там были заросли грецких орехов с густыми кронами, укрывающими от солнца и дождя. Частенько паломники, приезжающие из сёл, располагались под ними на ночлег, чтобы утром пойти на раннюю службу. Отец Иона больным пришёл под стену. Спал, подложив под себя фуфайку. И занемог так, что температура под сорок, всего лихорадит, ослаб... Отец Арсений увидел его и на свой страх и риск взял доходягу в коровник. Того уже ноги не держали, на себе дотащил, уложил в ясли на сено. Отпавил парным молоком и молился за здоровье раба Божия Владимира. Батюшка пошёл на поправку, начал крепнуть, фигуристость появилась. Дал себе обет, если выживет – останется в этом монастыре.

В шестидесятые годы был запрет на монастырских трудников и послушников... Не взяли его, лишь в семьдесят первом году попал в обитель...

Монастырь – незабываемо счастливый отрезок моей жизни. Не знаю, дала бы столько семинария. У семинариста другой статус. Учёба отгородила бы от батюшки Ионы, остальной братии, с кем был рядом в повседневной работе, в церкви... Первое время думал, ну ещё месяц побуду да надо ехать в Омск. Пришла пора ехать, а не хочется. Потом назначил срок до весны. Наступила весна, продлил до осени, руководствуясь мыслью: разве плохо лето провести у моря... Жизнь обители незаметно захватила, вовлекла в свой ритм. Это как в семье, ты становишься частью родного коллектива...

В два года столько хорошего вместились, а сколько хороших людей в монастыре узнал... В семинарии несла послушания Анна Храмцова. В монашестве Мариам, насколько помню. Почему-то не

отложилось доподлинно в памяти. Моя землячка, тоже родом с Урала, а после войны осела в Одессе. Сердечно ко мне относилась. По-матерински. Совсем немного времени прошло, как познакомились, подзывает и дарит рубаху, сорочку с длинными рукавами.

Я опешил:

– Зачем, не надо! У меня есть!

– Бери, бери, – настояла, – ты молодой, должен красиво ходить.

Ещё два раза как минимум дарила сорочки. На самом деле красивые. Собираясь на Одесскую киностудию, обязательно доставал какую-нибудь из подаренных. Жила матушка Мариам в городе. Неоднократно ездил к ней в гости. Старался чем-нибудь помочь по дому. Несколько лет переписывались с ней, как вернулся я в Омск. Она рассказывала монастырские новости, я – про свою жизнь. Наставляла: «Коля, что бы ни было, от Бога не отходи, от церкви не отдаляйся!». Радовалась, что на клиросе пою: «Как можешь, Коля, славь Бога!». Её слова воспринимались материнским наказом.

В монастыре был монах Лаврентий. Рослый, красивый парень. Семинарию окончил. Артистически красивый, наделил Бог и лицом, и статью. Через это у матушки от девок прятался. В буквальном смысле скрывался, был в ту пору ещё послушником, Виктором звали. Девки не давали прохода, как бесы, неотступно кружили вокруг, на всё были согласны, только бы в монастырь не пустить. Одна, другая предлагали себя в качестве матушек, дескать, не ходи в монахи, что ты себя заживо хоронишь? Лучше давай хотя бы в белые священники! А то бросай всё... Искушали со страшной силой. И девки-то одна другой краше. Одесские штучки. Особенно активизировались перед постригом, почувствовали, ускользает из рук парень. Натуральным образом готовы были выкрасть его. Матушка Мариам как-то одну такую приставучую отогнала и говорит Виктору: «Поехали ко мне! Не дадут они тебе покоя! А у меня не достанут!» У матушки прятался до самого пострига. Так ведь его и там нашли. Матушка Мариам жила на первом этаже, приехали и в окна стучали. Виктор сидел, как подпольщик, выключив свет, забившись в дальний угол.

Я видел, как он постриг принимал. Интересно, сегодня он был Виктором, знал его как Виктора, а назавтра он уже Лаврентий. И в отношении к нему что-то происходит у тебя. Что-то меняется на мистическом уровне... Тот же человек, и не совсем тот, что-то происходит... Во всяком случае в моём восприятии. Тогда же были пострижены в монахи Зоси-

ма и Савватий. Савватий так обижался, что имя Зосима не ему дали. Долго обижался. Кузнецом был. Трудолюбивый со страшной силой. Любую работу давай. Поручили сделать слив из Свято-Успенского собора. Начал рыть траншею и попался участок – под землёй бетон, глыба бетона. Можно было обойти, я бы никогда не стал. Нет, он продолбил.

Матушка Мариам всю жизнь в семинарии работала. Рубашки мне дарила. Семинаристы уедут, бросят, ничего им уже не надо, она стирает, выгладит. Даже в Омск присылала, я какие носил, какие раздавал знакомым. Молодость её совпала с войной, сполна хлебнула фронтовых скорбей, воевала не где-нибудь, в морском десанте. Наград много: два боевых ордена, медали. После войны потянулась к Богу, начала в церковь ходить. Однажды как верующую вызвали на какую-то дисциплинарную комиссию, насколько помню, при горисполкоме. Пришла бумага из соответствующих органов – провести с несознательной гражданкой работу. Случилось это в период хрущёвских гонений на церковь. Председательствовал в комиссии генерал. Он припозднился, пришёл не в назначенный час, без него принялись Анну Храмцову прорабатывать. Набросились ретивые борцы за нравственный облик строителя коммунизма. «Как вам, советскому человеку, не стыдно, – встал один, – государство наградило вас высокими наградами – орденами и медалями, а вы по церквям да монастырям, как насквозь тёмная бабка! Позор!» Первый не успел договорить, второй поспешно перебил, боясь, загодя заготовленное раньше него скажут: «Порочите честь защитника Родины и Отечества!». Тут же третий впрягся в обличительно-разоблачительную упряжку, тоже не терпелось внести свои три копейки: «Какой вы подаёте пример подрастающему поколению?! Какой?! Что, вы не можете другую себе работу найти? В семинарии работаете».

Матушку подмывало возразить: не с барского плеча давали ей ордена и медали, кровью заслужила! Да прекрасно знала: ничего не докажешь пустозвонам. Настроилась держать себя в руках. Избрала смиренный стиль поведения – не ввязываться, терпеть словоблудие. Решила, если только начнут Бога хулить, тогда пойдёт в наступление, даст отпор, а так – пусть себе режутся. Ведь сами не ведут, что творят.

И тут заходит генерал. Извинился за опоздание, а потом радостно воскликнул: «Неужели Аннушка!». Обнял пропесочиваемую, на глазах изумлённых членов комиссии расцеловал. Они только-только вошли в азарт, распалились врезать отсталому

элементу по первое число, чтобы раз и навсегда запомнила: никто не будет терпеть её церковных закидонов, никто на самотёк не пустит вопрос мракобесия, партия с новой силой взялась за попов и их приспешников. И вот тебе раз – председатель комиссии бросился целоваться с «отсталой»...

А всё почему? «Отсталая» жизнь спасла генералу в войну. Тогда ещё не носил он генеральских погон, но воевал храбро, в одном из боёв был тяжело ранен, матушка вынесла его на себе и не успокоилась, пока не сделали ему в госпитале операцию. После войны потеряли они друг друга. Ветераны на День Победы в ту пору не собирались, да и праздника как такового ещё не было установлено. Генерал считал, Аннушка-спасительница погибла. И вот встреча. Председатель комиссии тут же закрыл заседание, саму комиссию в решительной форме выпроводил за дверь. А затем достал из сейфа коньяк...

Отметили однополчане встречу по-фронтовому, выпили за Победу, помянули погибших товарищей.

«После этого, – сказала матушка, – меня больше никто не трогал и морали не читал».

Замечательные были люди в монастыре. Я много раз сталкивался с молдаванами, сначала в армии, потом когда на реке работал, в монастыре – никогда проблем с ними не было. Всегда ладил с ними. Народ спокойный, бесхитростный. На земле Молдавии, где много солнца, винограда, и люди солнечные живут. Труженики, и вера в Бога твёрдая.

Был в монастыре игумен Серафим, регент, тоже молдаванин. Кто бы ни пришёл в хор – семинарист ли захочет петь, монах, трудник, послушник – брал. Ему неважно, хороший у тебя голос или средненький, захотел петь – вставай. Но если кто-то начинал гнуть из себя: я Робертино Лоретти, а неумехи мешают, мог запросто выгнать: раз мешают – иди отсюда. Клирос был основным послушанием лишь у двух отцов: Варахиила и Митрофана, у одного тенор, у второго баритон. Остальные клирошане ходили по собственному желанию, и никому отец Серафим не сказал: «Ты нам не подходишь». Сам был в церковном пении профессор, окончил духовную семинарию. Невысокого роста, крепкий телом, солнечный душой. Когда начались шатания, развал Союза, делёж на национальные квартиры, игумен Серафим покинул монастырь и уехал в Кишинёв.

Его земляк отец Ефимий был главным специалистом монастыря по винограду и вину – изготовлению веселящего продукта, его хранению. Старенький уже, борода белая, молдаванин. Что бы я ни сделал не так, никогда голоса не повысит. Часто призывал меня в помощники. Одна из причин – я никогда не

просил вина. Признался однажды: «Другого позовёшь, у него все мысли на одно направлены. Зачем искушать такого человека». Послушания, которые давал мне отец Ефимий, были самые разные: виноград собирать, давить, бетонные столбики на винограднике ставить... В самый первый раз помогал ему бочки ремонтировать. Поработали до обеда, донышко у двух бочек заменили, несколько клёпок новых поставили. Плотно потрудились.

Отец Ефимий деловым тоном говорит:

– Брат Николай, прежде чем на трапезу идти, надо молотки смазать.

Надо так надо. Молотки разнокалиберные: лёгкие, тяжёлые, головки – круглые, квадратные, прямоугольные... Каких только нет и все медные... Собрал их, штук восемь получилось. Отец Ефимий направился в подвал, я за ним. На улице жара, в подвале благодать – прохлада. Высокий подвал, два ряда бочек друг над другом.

Батюшка подходит к одной подставляет кружку объёмом стакана на два, наполняет, ко мне поворачивается:

– Николай, ты шо? Да брось ты молотки, зачем притащил? На, выпей!

Над винным подвалом был небольшой цех отца Ефимия, в нём ставил агрегат для отжима винограда. Не единожды довелось вращать его ручки с семинаристами. По сторонам в цехе располагались комнатухи, в них отец Ефимий мог чаем поить паломников-земляков из Молдавии. Среди семинаристов было немало молдаван. Тоже заглядывали к отцу Ефимию. Не единожды я заглядывал, пили чай, беседовали.

Отец Ефимий был иеромонахом, служил, кроме всего прочего. Прочее – на все руки мастер. Тележки делал, приспособления всевозможные для работ на винограднике. Как-то смотрю, перед сбором урожая достал из своих закромов трубы, колёса, сварщика призвал. За ночь нарисовал двухэтажную тележку для сбора винограда. На верхней площадке сборщик, кто-то из братьев внизу корзины с виноградом принимает, по надобности перемещает тележку вместе со сборщиком на новое место. Удобно и производительно, не надо лестниц, то и дело слезать-залезать, переставлять с места на место. А ещё отец Ефимий был кровельщиком. Однажды вместе с ним крышу семинарскую ремонтировали. Это накануне тысячелетия Крещения Руси. В тот период высотные работы для меня шли одна за другой. На главных монастырских воротах двенадцать больших икон установлены, отец эконом поручил к празднику обновить: «Раз ты художник – давай». В

помощники выделил семинаристов, вместе красили, подрисовывали. Затем пришла в монастырь бригада специалистов по золочению куполов. Им потребовался специалист «подай-принеси», но выставили жёсткое требование: непременно лёгкий и подвижный, чтобы на самый верх по лесам лазить. Во мне тогда и семидесяти килограммов не было. Полюбовался красавицей Одессой с птичьего полета. В одну сторону глянешь – море под солнцем волнами ходит, в другую – расчерченный улицами город в зелени утопает. Райская красота.

Хотя рая, любил повторять батюшка Иона, на земле не будет:

– Не будет, Николай, рая на земле, не будет. Ни у коммунистов, ни у капиталистов. Все жадные, алчные, всем деньги подавай или за футболом будут бегать.

– Я в монастыре, как в раю, – скажу.

– Трудись и молись, – покивает головой, – только так можно спастись. Но молитва первым делом.

Учил простоте, быть нестяжательным, не гоняться, как бы повкуснее поесть да помягче поспать. Не возноситься: я такой хороший-расхороший. Ходить в храм, исповедоваться, причащаться, Родину любить, почитать великих наших полководцев: Суворова, Макарова, Ушакова, Нахимова.

Был монархистом. До чего всё-таки мудрый он человек. Ещё разговора не было о прославлении царской семьи. О почитании их как Царственных страстотерпцев. В меня тогда было вбито, царь – это плохо, это отжившая форма власти. Батюшка говорил: «Царь – помазанник Божий, он всегда за народ, свою страну. Ему бежать некуда. А эти меняются один за другим: сегодня один красуется, завтра, может, ещё хуже придёт». Я с недоверием слушал его, думал: «Что он несёт?». Слава Богу, хватало ума не лезть в спор, не рвать рубаху на груди. Как же так: царь – и вдруг хорошо? Да уже царей в цивилизованных странах не осталось.

Батюшка часто повторял о необходимости духовного возрастания православного человека. Сам постоянно читал духовную литературу и призывал к этому. То и дело давал какую-нибудь книгу: «На, почитай, расскажешь потом». Учил радоваться тому, что тебе сегодня даёт Господь. Никогда не забуду его наставления. «Николай, – скажет, – не пугайся ничего. Надо копать землю – копай и не сетуй на судьбу. Господь посчитает нужным – бульдозер даст. Жизнь заставит тебя пойти дворником – иди в дворники, а завтра, если ты достоин, Господь поставит тебя начальником ЖЭКа. Знай, Господь, если ты обращаешься к нему, не оставит тебя без внимания, не оставит без еды».

Рядом с ним в монастыре было легко. Молился, конечно, за меня. Это я сейчас понимаю. Какое бы ни дали послушание мне – спокойно относился. Не крутил носом. Надо – на лошади поеду, надо – на машине грузчиком. Читать пошлют – читаю. Не рвался в алтарники, поближе к архимандритам, наместнику, митрополиту. Считал себя недостойным. Вообще редко-редко в алтарь заходил. Только лишь когда скажут ковры вынести или занести.

Уроки батюшки Ионы не все сразу осознал, но запомнил на всю жизнь, они по сей день помогают. Часто ставил в пример Кукшу: надо быть как схиигумен Кукша. Всё прошёл, сколько скорбей выпало на его долю, и до последнего дня был уважаем народом. Батюшка и сам равнялся на него. С Кукшей он встречался, приходил к нему и получил благословение на монашество.

Не могу не упомянуть ещё об одной колоритной личности монастыря – архидиаcone Пимене. Перевели его в Одессу из Почаевской лавры, понятно – не в качестве поощрения, как раз наоборот – за какую-то провинность. Заметная внешность – рыжие волосы, из себя представительный, каким и должен быть архидиакон. Густой баритональный бас. Энергичный, подвижный. Иду с коровника, он навстречу бежит.

– Мыкола, – голосом, каким кличут на пожар, блажит: – Трэба взять драбыну и поднять шпакивню!

И срывается с места в карьер, я – следом за ним. Не знаю, что за зверь «драбына» и с чем едят «шпакивню», но бегу.

Отец Пимен несётся со всех ног, еле поспеваю. Подбегаем к здоровенной лестнице, хватаем её. Архидиакон за один конец, я за другой. Он впереди, я сзади. Летим, вот-вот от земли оторвёмся. Его пожарное нетерпение передаётся мне посредством вибрирующей лестницы. На бегу перевариваю услышанное, рисую жуткую картину падения неведомой «шпакивни». Делаю предположение: нам предстоит лезть едва не в преисподнюю за ней. Хорошо, если не тяжёлая сама по себе, сможем управиться вдвоём. Лестница длиннющая, меня заносит на поворотах и мотает из стороны в сторону. У отца Пимена все мысли о трагедии со «шпакивней», посему не ввёл в полётное задание поправочный коэффициент на габариты доставляемого к цели груза и наличие поворотов на маршруте. Приходится время от времени притормаживать галопирующего архидиакона, дабы вписаться в очередной поворот и не загреметь в кусты. Несмотря на бешеную скачку, голова моя, не утратившая мыслительной функции, делает умозаключение, что драбына – это есть тот самый предмет, с которым

летим по аллеям монастыря, остаётся развеять туман в отношении куда-то провалившейся «шпакивни».

Подбегаем к высоченному ореху, отец Пимен приставляет драбину к стволу, быстро взбирается по ней...

Я-то думал, неведомая «шпакивня» в результате ЧП оказалась значительно ниже уровня поверхности земли, на самом деле – высоко над ней, но в положении «или-или», в любой момент может сорваться и удариться оземь...

Шпакивня, то бишь скворечник, подведомственный отцу Пимену, висел на честном слове, потому и наделал переполоха...

Кроме того, что мы с отцом Пименом сделали благородное дело – спасли скворчат от падения вместе со шпакивней, я обогатил словарный запас двумя украинскими словами, которые благодаря архидакону вписались в меня намертво.

Память он имел феноменальную: все службы знал наизусть. Псалтирь с любого места мог читать. По его разумению Псалтирь каждый монах должен знать наизусть.

Как архидакон любую службу на память служил, не заглядывая ни в какие требники, служебники? Больше такого не встречал в своей жизни.

Когда приехал с Иваном Антоновичем, мгновенно меня узнал:

– О, Николай!

И тут же потащил в трапезную:

– Вы же есть хотите!

Потащил в трапезную, прямо к поварам зашёл, его гонят (куда вы?), а он не обращает никакого внимания на окрики, сам разобрался, положил в тарелки, как сейчас помню, по большому куску рыбы, каши гречневой, компота налил:

– Ешьте, братья.

Старец Михай был самым возрастным насельником монастыря, шутка ли – сто два года. Родился ещё в XIX веке, в царствование Александра III, современник Толстого, Чехова, патриарха Тихона... Ходил с большим трудом, его или паломницы водили под руки, или послушник. Раза два меня просил помочь. В хрущёвские времена отца Михея выслали в Одессу из Троице-Сергиевой лавры. Старец обладал редким даром – отчитывал бесноватых. Властей это раздражало, отправили подальше от Москвы. Занимался отчиткой в Одессе или нет – не знаю, не скажу... Наверное, нет, старенький уже.

Чудил время от времени, в трапезной мог взорваться:

– Вы хотите келью мою забрать? Знаю, ждёте – скорее бы умер!

Его убеждают:

– Нет-нет, мы не хотим!

Я считал по этим истеричным выпадам в трапезной: «Ну выживает человек из ума, шутка ли – столько лет, вполне объяснимо...». Но оказывается, ничего подобного. Однажды приятно удивил меня. Перед Успением Божией Матери отец экононом отправил меня в просфорню. Престольный праздник обители, тысячи паломников, просфор надо, как никогда, много, посему на просфорне аврал. Постоянно нёс послушание по выпечке просфор отец Аркадий, академик – духовную академию окончил отец Аркадий. Человек добрый, красивый, но исповедь жёстко ведёт. Было дело, я проштрафился, и он мне триста поклонов назначил. Я рассчитывал: «Покаюсь, и пронесёт: отец Аркадий сам по себе мягкий». Ничего подобного, получил по полной. Жёсткий отец Аркадий в этом плане оказался. Грешным делом, после той исповеди стал остерегаться его. По жизни ко мне хорошо относился. При встрече останавливал, проявлял неподдельный интерес, расспрашивал, что и как. Интеллигентный человек. Но в то же время не мягкотелый, как оказалось. Неслучайно его в девяностые годы поставили наместником Одесского Свято-Пантелимоновского монастыря. Рядом с вокзалом обитель.

А ещё Тит подвизался в то время в просфорне, кстати, мой земляк – сибиряк. Вообще-то он в семинарии преподавал, но почему-то, может, что лето было, на просфорне нёс послушание. Меня и ещё двух братьев бросили им на подмогу. Просфорня – особое место, я всего два раза и удосужился послушничать там. Прихожу, Бог ты мой! – старец Михай. И не дореволюционную молодость вспомнить пришёл, не в сторонке поприсутствовать, безучастно понаблюдать, как братья пекут богослужебный хлеб, нет, он в свои сто два года управляет процессом, вся просфорня под ним ходит. Отцов гоняет, отчитывает, как мальчишек. Сам помолодел, преобразился, прилив сил у него. Заставил нас, прибывших, прежде чем допустить к работе, ногти остричь, дал ножницы и выгнал на улицу: быстро привести себя в порядок! Вернулись – проверил каждого, после чего скомандовал мыть руки с мылом. Только что артериальное давление не отправил измерять. По его команде молитву прочитали и принялись за богоугодное дело.

Тит родом, насколько помню, из Красноярска. Немногословный и ревностный в вере, основательный. В нём был фундамент к монашеской жизни. Я по натуре общительный, работали с ним на виноградушке, начал расспрашивать, откуда приехал, чем по жизни занимался?

Он коротко, в двух словах сказал о себе, потом бросил:

– Прости, брат, прости, давай лучше помолимся.

Мне почувствовалось, что-то трагическое у него в жизни произошло. Молодой, моложе меня лет на пять, и ревностный в вере. Не бука, всегда приветливо здоровался, читалось по лицу – искренне рад тебе. Когда с Иваном Антоновичем приезжали, отец Тит уже был архимандритом.

Всегда с радостью и благодарностью вспоминаю отца Геннадия. Удивительный старец. Держался в монастыре отшельником и молчальником. Своего рода юродство. Ходил в выдавшем виде замызганном подряснике. Вместе с братией никогда не трапезничал. Нёс послушание – водопровод, канализация. Считал, ни к чему распространять в трапезной запахи своего далёкого от тонких благоуханий хозяйства. На службу ходил чин чинарём, вымоется (баней сам заведовал), облачится в рясу... У него был друг – отец Тихон, такой же старенький, они частенько пикировались. Отец Тихон увидит отца Геннадия в рясе, обязательно начнёт подначивать: «О, вырядился, сантехник! А вдруг канализация прорвёт? И что тогда?». Они были полной противоположностью друг другу, отец Тихон – говорун, балагур, увидит тебя и ну что-то живо рассказывать, всегда у него были в заглазнике новости, истории. Вдвоём с отцом Геннадием топили монастырскую баню, а перед этим пилили дрова на циркулярке. Иногда я помогал. Забавно было наблюдать за этой парой. Отец Тихон говорит-говорит, задаёт вопросы отцу Геннадию, сам на них отвечает, его собеседник лишь кивает головой, редко-редко удосужится уронить скупое слово. Оно и не надо отцу Тихону, его монолог без того не оскудевает.

Отца Геннадия с ранней весны, как тепло устоится, до осени чаще можно было застать в его традиционной позе – сидящим на доске... Доска лежала прямо на земле: толстая (пятидесятка), широкая, длинная. Ноги вытянет вдоль неё, голову на грудь уронит... Сидел и дремал у стенки рядом со входом в подвал, его мастерскую. Чего там только не было – верстак с тисками, газовые ключи разных номеров, самый разный инструмент ждал своего часа... Тут же склад с задвижками, заглушками, вентилями, кранами, прокладками, патрубками, паклей... Ночью молился отец Геннадий, а днём вот так, сидя в теньке, добирал сон. Батюшка Иона, бывало, так же. К примеру, давим виноград, порцию сделали, ждём, пока отец Ефимий заливает сок в баки из нержавеющей стали. В это короткое время отец Иона дремлет. Голову на грудь уронит, рука повис-

нет или обопрётся о руку... Ночью молился, а днём в перерывах, если была возможность, досыпал. Часто повторял: труд и молитва – вот наши два крыла. Вечером придёшь к нему, он свечи отливает. Было у него маленькое устройство, ниточки-фитильки натягивает, воском заливает, меня попросит почитать из Святых Отцов. Слушает и свечи делает. Он научил меня читать по-церковнославянски. Подарил молитвослов Киево-Печерской лавры, давних времён издания, в кожаном переплёте, жучки немного поточили его. Подписал: «На молитвенную память Николаю». Церковных книг тогда днём с огнём нельзя было купить, но ему приносили, дарили. Он мог любую тут же тебе отдать: на! Да и любую вещь в келье. Любил подарки дарить.

Отца Геннадия особо уважал. И всегда спешил к нему на помощь (меня прихватывал, если у того форс-мажор – трубу прорвёт или что). Тут уж дрёма с отца Геннадия слетала, как и не было, бежал к нам: «Выручайте, братья!» И тогда лезем в колодезь или подвал... Отец Геннадий указывает, что делать, какой вентиль крутить, где хомут ставить. У него сил уже не хватало. Или канализация выйдет из строя. Шуруем проволокой, устраняем затор, возвращаем в штатное состояние столь важную для жизнедеятельности монастыря коммуникацию. Сделаем, выберемся на свет Божий с головы до ног неизвестно в чём... Идёшь мыться и думаешь, чтоб я ещё хоть раз вот так согласился...

Отец Геннадий говорил о себе: «Я – человек грешный, окаянный, недостойный». Но этот вечно дремлющий дедок был редким молитвенником. Я удивился, когда архимандрит отец Арсений, окончивший, кроме семинарии, ещё и духовную академию, будущий духовник Свято-Успенской обители, на мою жалобу о личных нестроениях сказал:

– Ты попроси отца Геннадия помолиться, и всё наладится.

Думаю: «Да не может быть». Но ведь наладилось.

Уверен, и по его молитвам я священником стал. Пусть не сразу, но стал. Когда второй раз собрался в семинарию поступать, молился на могиле Кушки, просил старца, тогда ещё не святого, посодействовать, просил молитв отца Геннадия. Помню, от ректора семинарии иду убитый, тот сказал окончательное «нет» моему обучению, отец Геннадий сидит на своей доске.

– Что, опять не получилось? – спросил.

Начал ему жаловаться:

– Отец Александр сказал, что нельзя мне.

– Бог даст, – перебил моё нытьё отец Геннадий, – будешь священником. Обязательно будешь!

И заулыбался своей неповторимо сердечной улыбкой. Мне так захотелось обнять его, до того родной человек...

Был свидетелем, из Киева приехали высокие гости (летом в монастырь частенько приезжали отдыхать серьёзные люди), слышу, один архимандрит сетует эконому отцу Виталию, мол, так и так, бьюсь-бьюсь, а хоть ты волком вой, ничего не выходит.

– Попроси молитв отца Геннадия, – посоветовал отец эконом.

Отец Геннадий почти не разговаривал, кивнёт на твою просьбу. Или засмеётся (смех был рассыпчатый), рукой махнёт, вот и весь разговор. Постороннему могло показаться, у человека проблемы с речью. Ко мне как к внуку относился. И я к нему как к дедушке. Не понимал тогда, не хватало ума, что это не просто водопроводчик и хороший человек, это старец. Однажды захотелось арбуза. Иду на трапезу, отец Геннадий в своей дремлющей позе на доске расположился.

– Отец Геннадий, – спрашиваю, – не подскажите, где арбуз взять? Смерть как захотелось!

Он неопределённо сказал:

– Ты приходи, приходи.

Я и не понял, услышал, нет ли, о чём я ему говорил.

На следующий день иду, он голову поднял, пальцем, ни слова не говоря, показал на лавку, рядом стоящую. Я наклонился, а под лавкой в картонной коробке арбуз. Я уже забыл о вчерашнем разговоре.

Поздней осенью помогал отцу Геннадию вентили в подвал затаскивать, ну и сказал между делом: «Холода наступают, скоро снег пойдёт, пора на другую форму одежды переходить». Он кивнул головой. Вечером меня подзывает, в мастерскую заводит, на верстаке большой узел лежит, ремнём перевязанный. Отец Геннадий показал на него, мол, бери. Разворачиваю – шапка, пальто, ботинки тёплые моего размера, полный комплект на зиму. И туфли, да такие – только в ресторан ходить.

Пальто у себя примерил, нормальное, сунул руку во внутренний карман, а там деньги. Рублей сто двадцать. Приличная сумма по тем временам. Билет на самолёт из Омска в Одессу рублей сорок стоил. У меня искушение – что делать? Борьба: идти с ними к отцу Геннадию или он специально положил? Отца Виталия спрашиваю: «Как поступить с деньгами?» Боялся обидеть отца Геннадия. Ну а вдруг просто-напросто забыл вытащить. Что обо мне подумает? Боролся-боролся, пока у меня это пальто не спёрли вместе с деньгами. Кто-то, види-

мо, случайно одел пальто и уехал. Только после этого признался отцу Геннадию.

– Не морочь мне голову этими деньгами! – замалхал руками отец Геннадий и наладил в храм: – Иди уже, скоро служба начнётся!

Этим случаем вразумил: старец дал – бери и пользуйся и не страдай ерундой. У него ничего не может быть случайного.

При мне трудником пришёл в монастырь Валера. Отслужил армию, отдохнул, как мы после дембеля говорили, и направился в обитель. Друзья-однополчане, кто работать, кто поступать в институты, а он в монастырь. Под два метра ростом. Плечи – не обхватишь. Курчавые с рыжиной волосы. В подряснике ходил и здоровенных армейских сапогах. Добродушный, общительный парень. От работы не бегал. Но была проблема. На Успение Божией Матери на трапезу вино подали. Валера на радостях, что Успенский пост закончился, решил взять повышенное послушание: за себя и за тех монахов (многие отцы проявили к вину полное равнодушие) отметить праздник. Крепко выпил. И понесло... Начал по монастырю шататься, благим матом орать, распугивая окружающих. Благодинный отец Павел, сам под стать Валере богатырь, быстро устранил возникший беспорядок, урезонил дебошира. Скрутили Валеру, полотенцами связали, бросили, как тюк. Я думал: «Ну Валере завтра достанется на орехи и остальные фрукты с овощами за нарушение устава монастыря. Обязательно будет разбор полётов, как это в миру бывает. Того гляди, выставят парня за ворота обители». На другой день Валера с утра впрягся в работу, под руководством келаря отца Никона возил на тележке продукты со склада в трапезную. И тишина! Никаких разборок и вызовов на ковёр. Все сделали вид, что ничего не случилось. То есть не осуждай брата своего, если он оступился, а молись за него.

Валера при мне обратился к отцу Геннадию, просил у того молитв, чтобы избавиться от тяги к вину. Батюшка, как всегда, молча кивнул... Валера поступил в семинарию, окончил её, это мне матушка Мариам написала, его рукоположили в священники и отправили в приход.

Отец Макарий был редким автомехаником. Ремонтировал любые марки машин. Зачастую немонастырских. При мне делал капремонт «Волге» профессора из Львова. Постоянно обращались из мира в монастырь... Могли позвонить отцу эконому из колхоза-миллионера с нижайшей просьбой – поставить «бобик» на ноги. В Одессе, в области были в курсе, есть в обители умелец, он любой ремонт сделает во славу Божию. Последнее качество светские заказчики

не понимали, просто знали, не за страх, а за совесть работает человек. Для меня отец Макарий – идеал труженика и порядочного человека. И откатился на любую твою просьбу. Я в Киев уезжал во Флоровский монастырь, пиджак понадобился. В то лето в монастырь приезжали преподаватели Киевского института культуры, познакомился с ними, пригласили в институт. Как без пиджака в культурное заведение? Мы с отцом Макарием примерно одной комплекции. Спросил у него. Он открывает шкаф: «Выбирай, какой нравится, да хоть и все бери».

Два костюма, пару пиджаков висели. Я выбрал костюм тёмно-фиолетовый и пиджак в крупную клетку. Пиджак от костюма кому-то отдал, узковат в подмышках оказался, в клетчатом пиджаке долго ходил, и в Омск в нём уехал. Носким оказался.

Поначалу, когда я приехал в монастырь, отец Макарий был послушником, звали его Михаилом. Потом постриг принял. Моего возраста. Историю его прихода в монастырь не знаю, не говорили на житейские темы, в работе не любил разговаривать о постороннем, но меня часто призывал в помощники. Были ребята не чета мне – доки в автомобилях, но те лезли с советами, как лучше ту или иную неисправность устранить. Всезнайки-мастера раздражали. В отличие от них я работал по принципу: скажут крутить – кручу, держать – держу. И дело не стоит. Понятие капремонта у него было такое, что ему всё равно, чья машина – профессора, из военной части или колхозная. Ремонт – значит, ремонт. Двигатель ставим на кантователь, он его переберёт от и до... Что надо, заменит. В монастыре всё заготавливалось впрок, в том числе имелся богатый склад запчастей. Кузов грунтуем, шпаклюем, красим, причём, если мушка какая, волосинка попала – всё перекрасит. Если надо укрепить раму (знал слабые места конструкции), жёсткости добавит. Или, наоборот, лишнее уберёт. Мыслил, как конструктор. Где-то набивается грязь – поставит защиту.

Работал отец Макарий, не глядя на часы.

Скажу:

– Не успеем к сроку, скоро должны приехать за машиной, а у нас ещё дел по горло.

– Ты, брат, главное не суетись, – бросит в ответ. – Случись авария по нашей вине, никто не спросит, сколько времени потратили на ремонт, долго возились или раз-раз и в дамки – забирайте машину. Каким словом нас помянут, произойди поломка в дороге? А если машина будет ходить исправно, за нас с тобой молиться будут.

Мелочей, которые можно оставить за бортом, у него не было. К примеру, пыль под ковриками в ка-

бине. По большому счёту хозяин не переломится, сам вычистит. Нет, проведёт уборку и скажет:

– Хозяин может ничего не заметить, но Господь знает, где мы с тобой лень праздновали.

На авось не надеялся, страх Божий был такой, что всё делал на совесть. Ремонтируем бортовой ЗИЛ. Перебрали двигатель, изношенные запчасти заменили, каждый болт смазали. Работает как часы. Задачу сделать капремонт двигателю выполнили на пять с плюсом. Он смотрит – в кузове одна доска с трещиной. Что тебе та доска? К двигателю не имеет никакого отношения. Ну трещина, не сломана ведь. Машина не один год с ней ходить может. Нет, он доску вынимает, новую выстругивает, красит, ставит.

– От Господа ничего не скроешь, – скажет.

Однажды пригнали ремонтировать «Альфа-Ро-мео». Как сказали, второй подобной красотки нет в Одессе. Напомню, был Советский Союз, иномарка на дороге – редкость. «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», «Волги» – вот и весь набор. Да ещё «Ока», про которую говорили: курица не птица, «Ока» не автомобиль. Соответственно, никаких специализированных автосалонов для «немцев», «японцев», «итальянцев».

Весь монастырь ходил любоваться не авто с лентяйскими грациозными формами.

– Брат Михаил, – спрашиваю, – ты когда-нибудь имел опыт работы с такой цацей?

– Не приходилось, – сказал отец Макарий без тени смущения.

– И с какой стороны к ней подступать будешь?

– Разберёмся, люди ведь делали.

Смело принялся за ремонт. Какой затык, открывает описание автомобиля, оно на английском, находит страницу с рисунком нужного агрегата, просит меня:

– Переведи, брат.

Я где с листа прочитаю, где со словарём, термины все специфические. Михаил слушает-слушает, в какой-то момент прервёт меня:

– Всё понятно, спасибо, дальше не надо.

Через девять лет приехали мы с Иваном Антоновичем в монастырь, Михаил давно уже отец Макарий, но всё так же занимался автомобилями. Увидев меня, призвал по старой памяти на помощь – выдавший виды грузовик реанимировал. Вдвоём с Иваном Антоновичем взялись подсобить. Иван в моторах и механизмах любому фору даст, как-никак танкист, принялся советовать отцу Макарию. Пришлось потихоньку урезонить, шепнул, что у мастера на всё сугубо личное мнение, бесполезно переубеждать, лучше не затевать автодебаты – быстрее справимся.

Исповедовался я часто у архимандрита Алексия (Филизова). Иногда у отца Арсения, но чаще – у Алексия, который в пятидесятых годах исповедовал самого академика Филатова и даже был какое-то время его духовником. Я ранее краем уха слышал про знаменитого врача-офтальмолога, попадалась статья о его прогрессивных методах лечения глазных болезней, а что он был глубоко верующим человеком, знать не знал. Это тщательно замалчивалось в Советском Союзе. Филатов был прихожанином храма Святых Мучеников Андриана и Натальи, что в Одессе на Французском бульваре. В этом храме служил после семинарии отец Алексий.

Говорю, был я совсем зелёный. Отца Алексия не воспринимал как высокой духовной жизни монаха. Не доходило, что передо мной – иерей, у которого исповедовался всемирно известный учёный. Филатова уважали в самых высоких кабинетах, вплоть до Кремля, а кто завидовал ему чёрной завистью, те боялись строить козни против него, ведь самого Сталина лечил от глаукомы. Кавалер четырёх орденов Ленина, Герой Социалистического Труда. Только, пожалуй, учёные-атомщики получали в то время столько наград. Светило медицины ходил к отцу Алексию на исповедь. До меня это слабо доходило, мог запросто подшутить над батюшкой. Бывало, бегу с коровника... Как работал с вилами да лопатой, так в грязной одежде (скотник, что тут скажешь) бегу.

Отец Алексий стоит у церкви, волосы белые-белые, у отца Ионы чёрные с сединой, а у этого белые, завидит меня:

– Николай, ну-ка пошли-пошли на исповедь.

Начну отказываться, я ведь не просто так бежал, может, в город торопился. Мне бы поскорее умыться, переодеться и выскочить на часик-другой на море или в кино. Коровник – такое послушание, ты к нему как привязанный. Коровам всё равно – праздник, будни, они отгул не дадут, регулярно требуется кормить, доить, убирать за ними. Выдастся свободный часик, стараешься использовать по полной.

Пытаюсь открутиться:

– Батюшка, да я в грязном, только что от коров, как в храм в таком виде?

– Ничего, перед Богом все равны.

И куда тут денешься. Архимандрит зовёт.

Поисповедуюсь, уходя, брякну:

– Батюшка, натащил вам запахов навоза, никаким ладаном не перешибёшь.

Улыбнётся:

– Навоз – дело естественное, не какая-нибудь химия или радиация.

Не обижался на мои дурацкие шутки. Исповедовал долго. Получаса никогда не хватало. Меня спрашивал, сам про Филатова рассказывал. Тот был близким другом архиепископа Одесского и Херсонского Никона (Петина), состоял в переписке с ещё одним великим врачом, архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), будущим святым. Бывало, стою под епитрахилью и, грешным делом, думаю: «Скорее бы ты, батюшка, закончил, мне бежать надо». В то же время неловко, ведь в грязном стою – как бы не замарать батюшку. Он не обращает внимания на неприглядный вид скотника.

Скажет:

– Ты много трудишься, брат, это хорошо.

Я в долгу не останусь:

– Зато вы, батюшка, много молитесь.

Улыбнётся, дескать, молодец, ответ принят.

– Ты прав, – заметит, – надо трудиться и молиться.

И это были не досужие разговоры. Исподволь он наставлял меня.

– Кто-то храмы разрушал, – скажет, – а кто-то всю жизнь жертвовал на них, как это делал Филатов.

За разработку методов пересадки рогаковицы и тканевой терапии Филатов в войну был удостоен Сталинской премии I степени. Учёный обратился к Сталину с просьбой половину денег направить в детские дома, а другую – в Свято-Димитриевский храм, что стоит на Втором христианском кладбище в Одессе. Что и было сделано, Сталин не стал препятствовать. Батюшка Алексий рассказывал, что Филатов помог сохранить храмы и на Французском бульваре, и Свято-Димитриевский. Если бы не он, могли бы снести.

Рассказал отец Арсений следующее о Филатове. Учась в Московском университете, увлёкся карточной игрой. И однажды выиграл у сокурсника крупную сумму денег, тот, желая отыгаться, поставил на кон свой дом. Дело было ещё при царе. Проиграл и дом. На следующий день сокурсник не пришёл на занятия. Филатов поначалу не придавал этому значения, а потом его начала мучать совесть. Вернувшись домой, взял выигранные деньги и пошёл к сокурснику. А там гроб стоит с сокурсником – застрелился. С той поры Филатов зарёкся брать в руки карты.

Этот рассказ слышал потом и от батюшки Ионы.

Батюшка Иона исповедовал, как и отец Алексий, долго. Это был разговор о жизни, вере, человеческих немощах. Мог начать рассказывать о Суворове. Впервые был я у него на исповеди, когда мы приезжали в монастырь с Иваном Антоновичем. За то время, как мы не виделись, батюшка стал иеромонахом, за четыре года до нашего приезда – игуменом. Мне

посчастливилось у него четыре раза исповедоваться. Из Омска несколько раз ездил в отпуск в Харьков к родственникам и старался заехать в Одессу. Суворова батюшка почитал за крепкую веру в Бога, считал его святым, называл Русским архистратигом. В келье у него стоял портрет великого полководца. Для батюшки Суворов являл собой пример мирского человека, который не знал себя без молитвы, без церкви, без Святого причастия, который всю свою жизнь строил с Богом. И солдат учил тому же. Победы, а он не знал поражений, шестьдесят девять битв выиграл, считал не собственной заслугой, а даром Божиим... Батюшка повторял, что Суворов не дьявольскую гордыню тешил, направляя полки на неприятеля, как это делал Наполеон, он с Божией помощью бился с врагами царя, отчества и веры православной. «Преклоните колена, – обращался к солдатам перед сражением, – разогрейте душу к Богу, помолитесь Ему, и победа будет за нами». «Суворов верил в чудотворную силу молитвы, – говорил отец Иона. – С Богом – за синее море, а без Бога – ни до порога!»

Исповедовал меня в алтаре у жертвенника. Исповедь занимала не менее часа и проходила как беседа, он рассказывал о себе, своих грехах, вспоминал молодость, была она у него бурной, что-то спрашивал, и всем этим разговором подвигал тебя раскрыться, заглянуть глубже в себя. Мог батюшка заплакать. И понимаешь, стоя рядом с ним, плачет о тебе, о всех нас, мы живём не так, размениваемся на мелочи, суедемся, гоняемся за какими-то миражами, не делаем главного в жизни. Стоим в алтаре у жертвенника, епитрахилью накроет мне голову. Или я на коленях, он (ноги сильно болели) рядом присядет. Ощущение непередаваемое, будто в полёте. Время остановилось, исчезло, его нет, ты в другом измерении. Вот он, храм, идёт вечерняя служба или приготовление к ней, но это всё куда-то отодвигается, душа не здесь. Она в любви, исходящей от батюшки, сердцем чувствуешь, он сокрушается о грехах, тобою совершённых... Тебе и стыдно за себя окаянного, в то же время легко, тяжесть уходит из сердца, батюшкина любовь окрыляет, обновляет, благодатно преображает... Он понимает тебя, просит Бога за тебя... Эти минуты незабываемы.

После исповеди у батюшки Ионы вышел к Ивану Антоновичу, голову наклоняю:

– Потрогай.

Он руку положил, удивился:

– Ты, батюшка, как из бани.

Отцы Арсений, Алексей, Иона, сами того не зная (и я не думал тогда об этом), научили меня исповедовать. Они не копались, не расспрашивали дета-

ли... Собственно, по интонации человека, по голосу понятно – ему стыдно даже сказать название греха, в котором кается, видно, волнуется, раскаивается в содеянном... И наоборот бывает: такое начинает рассказывать про себя – стыдно слушать, а у него не чувствуется никакого раскаянья. Батюшка Арсений говорил: «Я сам грешник и люблю грешников». Он, отец Иона могли говорить на исповеди больше, чем я, исповедующийся, и не укоряли, не грозили пальчиком: «Ай-я-яй», вообще, казалось бы, о другом вели речь, да, слушая их, понимал свою греховность, понимал, как я далёк от спасения...

В 2013 году в последний раз удалось побывать у родственников в Харькове. Потом начался майдан, война на Донбассе. В тот раз планировал съездить в Одессу в монастырь, побывать на могилке у батюшки Ионы. Да не сложилось. Заговорил с двоюродной сестрой о батюшке. Она посетовала, у невестки проблема с чадородием, пять лет живёт в браке, а деток нет. Собиралась съездить в Одессу к батюшке Ионе, да прособирилась. А результат, говорят, всегда был положительный, у таких, как невестка, когда обращались к нему.

Я неплохо знал батюшку Иону в повседневной монастырской жизни, однако не предполагал того, что раскрылось в нём несколькими годами позже. Двоюродная сестра рассказала такую историю. У директора крупного завода... Не могу не вспомнить удивившие меня слова монахини Александры из киевского Свято-Вознесенского Флоровского монастыря о том, что были коммунисты, которые для простых людей становились отцами и братьями. Тот директор относился к таким советским руководителям – радел за завод, радел за заводчан. А дочь родную упустил – стала наркоманкой. Хорошая, добрая девушка попала в роковой капкан... Мать поехала к отцу Ионе за помощью. Очередь на несколько часов. Знала, можно задавать старцу один вопрос, а что скажет – неукоснительно выполнять, только тогда будет результат. Очередь подходит, до ушей доносятся слова батюшки. Мужчина задаёт вопрос по той же беде, что и у неё: сын – наркоман. Батюшка говорит: «Моли для него смерти, чтобы душу его спасти». Она испугалась услышать и в свой адрес подобное. Как так молить смерти единственной дочери?! Вышла из очереди, поехала на вокзал... Дочь умерла через два года. В Германии заразилась неизвестной болезнью, врачи не смогли поставить диагноз, вернулась домой и умерла. Её ребёнка дед с бабушкой усыновили и вырастили.

В мой период послушничества батюшка Иона время от времени выручал меня деньгами. В город

соберусь, а в кармане пусто, попрошу взаймы пятерку или десятку. Он, кстати, не пресекал мои походы в город, не требовал: в мир не ходи, сиди в монастыре, здесь твоё место. Нет. Ещё и пальто своё даст, то самое, в котором я во Флоровский монастырь ездил. Выглядел я в нём колоритно. Оттого и попал на Одесскую киностудию. Волосы у меня тогда, это сейчас сплошь седые, были волнистые, чёрной шапкой. Наверное, фотогенично смотрелся. Так-то я худой был, пальто добавляло недостающий объём. Иду мимо киностудии. Самый центр города, Французский бульвар, неподалёку от киностудии церковь святых мучеников Андриана и Натальи, в которой служил после окончания семинарии молодой отец Алексей и в которую ходил врач Филатов, тут же на бульваре здание, где была его клиника...

Иду прогулочным шагом, женщина останавливает:

– Молодой человек, мы снимаем кино, в массовой сцене нужен человек вашего типажа...

Пообещала три рубля за типаж.

«Ладно, – думаю, – почему не попробовать».

Так познакомился с режиссёром Валерием Федосовым. Через него с другим режиссёром – Кирией Муратовой. Тогда ей было чуть за пятьдесят. Одевалась нестандартно, с большим вкусом. Длинное в пол пальто, мог быть строгий отлично сшитый костюм, яркая блузка. Интеллигентно и в то же время оригинально. Она и по характеру была такой. В кабинете у неё на киностудии много раз бывал. Пили кофе, вспоминала Владимира Высоцкого, съёмки фильмов с ним – «Опасные гастроли», «Короткие встречи», его песни. Со своей стороны расспрашивала о монастыре. Её и Федосова удивляло, что я, современный образованный человек, художник по второй профессии, по собственной воле оказался в обители, столько времени живу бок о бок с монахами, несу разные послушания, вплоть до коровника. С Муратовой говорили о вере, о Боге, об отцах монастыря, силе молитвы. Женщина умная, интересная, но мне Муратова показалась очень одинокой. Сетовала, что её кино далеко не все зрители понимают, а радители идеологической выдержанности критикуют, но снимать сугубо на потребу публике не её удел. Ей хотелось, чтобы зритель думал вместе с ней, говорить с ним не на уровне инстинктов, а на уровне души, чтобы его волновало то, что тревожит в жизни её. Не желала тратить себя на мыло, если уж снимать, то умное кино. Кстати, она и после развала Союза старалась делать фильмы не на потребу...

Мы с ней одно время переписывались.

Мне Муратова говорила: «Может, попробовать тебя поснимать, внешность вполне, должно получиться».

До кинопроб со мной руки у неё так и не дошли, а Федосов решил дать роль пусть не главную, но и не такую, когда промелькнул в кадре, а потом ещё в титрах мелкими буквами в общем списке длиной в два экрана. Снимал он фильм «Утреннее шоссе». В главной роли Родион Нахапетов. Меня собирався попробовать на роль священника. Ты, мол, всё знаешь, касаемо этой сферы, не соврешь... Дал сценарий. Мы, когда познакомились, часа три проговорили. Ему было всё интересно: монастырь, церковь, монашеская жизнь. Дотошно расспрашивал. Тогда про церковь нигде не показывали, ничего не снимали. Ему хотелось показать. Дал сценарий. Я прочитал и накалал три листа критического мнения. Сценарист ничего лучше не придумал, как главарём наркомафии заделать священника. Портовый город, с гор Кавказа или Средней Азии привозят наркотики и переправляют по морю дальше. Герой Нахапетова, по имени Антон, таксист, его сменщика сначала втянули в схему доставки «товара», а потом в шахту лифта столкнули. На замену ему решили Антона использовать в качестве транспортировщика наркотиков.

В город приезжает взрослая дочь Антона, которую он ни разу не видел. Она хочет на папу посмотреть, а папа начинает за ней недвусмысленно ухаживать. Это ладно, по этому поводу замечания не делал, другое возмутило. Сценарист, наверное, считал себя гением – оригинальный ход придумал: под крышей православного храма главный мафиози окопался и всем заправляет... Съёмка уже шла. Я познакомился с Нахапетовым. По ходу дела понадобилось что-то наподобие стенгазеты смастерить, с Нахапетовым делали её прямо на съёмочной площадке...

Это было накануне тысячелетия со дня Крещения Руси. Я написал своё мнение о сценарии и сказал его Федосову: «Валера, ты русский человек, после такого фильма всю жизнь будешь каяться. Ведь всем нам отвечать перед Богом. Без тебя хватает тех, кто мажет грязью церковь – коммунисты-богоборцы, КГБ. Никакой батюшка под автоматом не пойдёт на наркоторговлю. Это не просто грех, а грех, вопиющий к Богу. Ничего даже отдалённо похожего не знаю. Да и все батюшки под контролем КГБ. Получается, КГБ спит, раз у него под носом такое творится. Сцены, касаемые церкви, написаны топорно, даже люди, далёкие от этой темы поймут, это не соответствует действительности».

Резко написал. Мол, зачем тебе такая слава к тысячелетию Крещения Руси. Думал, обидится по-

сле моих категоричных слов. Но для меня вопрос был принципиальным. Что интересно, Валера послушался. Сделал главарём мафии начальника порта. У священника в переработанном сценарии осталась совсем крохотная роль. Главный герой везёт его на такси и просит помолиться за сменщика, убиенного раба Божия Михаила. Федосов звал меня на эту роль. Эпизод со священником снимали, когда я уже уехал в Омск. Мне пришла телеграмма с вызовом, но я не полетел. Кстати, в «Утреннем шоссе» снимался актёр Перфилов, который всем запомнился по фильму Говорухина с Высоцким в главной роли – «Место встречи изменить нельзя», где сыграл колоритного муровского фотографа. Перфилов сам по себе доброжелательный, светлый. Как-то он ждал съёмки своей сцены, а холодно было, я в автобусе сидел, он подсел и разговорился, простой в общении...

В монастыре была ещё одна видная личность – благочинный отец Павел (Судакевич). Как-то поздно вечером прихожу в келью к отцу Ионе и каюсь:

– Не удержался, так захотелось искупаться. С вечерней службы два раза удирал на море.

Удобно было. Море рядом – пару минут и там. Случалось, делал так. На клиросе встану с краю, почтиваю, потом в боковую дверь шмыгну, через сад и на море. Покупаюсь, незаметно вернусь к помазанию, вроде никуда и не уходил. После помазания опять улизну. К окончанию службы вернусь. Шкодничал, одним словом.

Батюшка выслушал и говорит:

– Бог простит. Я сам сегодня отца благочинного обидел. Сказал ему, что в сытом теле добродетель не держится. Вырвалось с языка.

Тела у отца Павла было много. Глыба весом в сто двадцать килограммов. Железную дисциплину держал в монастыре. Поздно вечером (ночью тоже приходилось с ним сталкиваться, это когда я на коровнике работал), как медведь-шатун, ходил по территории. Бывало, на отца Иону шумнёт. У того подолгу свет в келье горел – молился.

Отец Павел как гаркнет, а голос такой, полмонастыря разбудит:

– Иона, ну-ка выключай свет!

Не дай Бог, семинарист припозднившийся попадётся на глаза, шуганёт – мало не покажется:

– Ну-ка спать!

А как без дисциплины! Что только не пережил монастырь за годы советской власти, поэтому ухо надо было держать остро, провокации нельзя было исключать. При мне послушника избил милиция до полусмерти. Васей звали. На монастырской грузо-

вой машине ехал, милиционеры остановили и потребовали вина. Вези – и хоть ты тресни. Вася не без наивности, посчитал: милиция шутит. Одесситы – народ весёлый, почему бы милиции не поюморить. Откуда, спрашивается, у послушника вино? Так и сказал. Реакция последовала отнюдь не шутейная: «Ах, тебе вина жалко, поповский прислужник?!». Вытащили Васю из кабины, отволтузили так, что еле добрался до монастыря. Вся братия молилась за его здоровье. Врачей в монастырь приглашали. Но разглашать и заявлять в милицию не стали. Наместник отец Вадим решил дело не возбуждать. Посчитал, пожалуйся на милицию, только обитатели хуже будет. Еле-еле выкарабкался Вася. Отец Павел сокрушался: «Что ж ты, брат, такой недогадливый, надо было посоветоваться со старшими, нам что, вина жалко? Отвёз бы милиционерам, и дело с концом».

Простодушный Вася просто-напросто не сообразил. Менты имели в виду: раз ты в монастыре работаешь, нацеди банку-другую и привези. Знали о монастырском вине. Били Васю остервенело. Я на коровнике работал, пойду в угол, где сено лежало, встану на колени и молюсь. И все так, по кельям, на службе. Вымолили Васю.

На отца Павла любо-дорого было посмотреть. Бери с картины «Три богатыря» Илью Муромца, и вот он – наш благочинный. Рассказывали, когда ещё в академии учился, любимым развлечением у сокурсников было упросить его согнуть пятак. Отец Павел смущался, отказывался, только если сильно просили, исполнял цирковой номер. Брал советский пятак, клал его на указательный и средний пальцы, большим давил, будто фигуру из трёх пальцев хотел сделать, и пятак сгибался пополам. Во, силища!

Молодой инок Савватий заведовал при мне мастерской по металлу. В тот раз я у него молотобойцем подвизался, а делали скобы по заказу сельского храма. Мастерская без кузнечного горна, пруток разогревали газосваркой и гнули. Отец Савватий молотом показывал, куда наносить удар, я кувалдой бил.

Отец Павел подходит:

– Братья, дайте-ка помогу!

Я уже собрался ему молот дать.

Отец Савватий тоном, не терпящим возражений, пресёк трудовой азарт благочинного:

– Отец благочинный, вы в чистом, замараетесь!

Мол, к чему монаху вашей должности заниматься грязной работой, да и не отвлекали бы нас попусту, заказ был срочный.

Отец Павел искренне обиделся, будто в куске хлеба отказали.

– Да ну вас! – сказал в сердцах, развернулся и ушёл.

Один раз машину с картошкой, в решётчатые ящики затаренную, разгружали. В цепочку выстроились, передаём друг другу ящики. Пыль во все стороны. Торопились поскорее машину отпустить. Большую часть разгрузили, вымотались прилично.

Отец Павел подходит:

– Братцы, давайте помогу!

Кто-то бросил:

– Отец благочинный, вы бы лучше не мешались под ногами, без вас как-нибудь справимся.

Он едва не плачет:

– Братцы, ну что вы! Я ведь вижу, устали, шутка ли – КамАЗ разгружать! Это не газик.

Всё же внедрился в цепочку, ящиков пятнадцать прошло через его руки. Довольный отошёл. Запылился, само собой.

Когда я с Иваном Антоновичем приезжал в монастырь, отец Павел уже заместником был.

С батюшкой Ионой мы часто трудились вместе, в огороде или на винограднике. В минуты отдыха он рассказывал про своё детство, родителей, про схиигумена Кукшу.

Говорил:

– Ты ходи к нему на могилку, молись. Уедешь в свою Сибирь, такой возможности не будет. На моей памяти – не знаю, на твоей – точно будет прославлен.

Про Кукшу много слышал от его последнего келейника отца Епифания. Тот походил на деревенского дедушку, белые волосы, сухой, на балалайке играл. Сядет с балалайкой на берегу моря, на обрыве, и поёт духовные песни.

Когда Епифаний уезжал из монастыря в отпуск, передавал мне своё послушание – следить за чистотой вокруг летней патриаршей резиденцией. Стояла она в саду. Чудный уголок. Летом поутру такая благодать. Аллеи, кроны деревьев, птички поют, солнце сквозь густую листву каштанов пробивается, морская прохлада... Патриарх приезжал редко, но территорию отец Епифаний содержал в идеальном порядке. Мне не составляло большого труда подмести участок, а когда отец Епифаний возвращался, он приглашал в келью Кукши. Доставал арбуз, вина, рассказывал о Кукше, показывал его вещи, которые ревностно хранил: скуфью, рясу, книги... Тогда широкая публика ничего не знала про Кукшу, о нём не писали... Отец Епифаний и батюшка Иона в один голос заверяли: схиигумен обязательно будет прославлен в святых. Был прозорливым, обладал даром исцеления, к нему шли и шли люди с горестями, болезнями... Я уже говорил, отец Иона был у него в начале

шестидесятих годов, Кукша утвердил батюшку в намерении стать монахом. Я воспринимал слова о причислении Кукши к лику святых как сказку. Для меня тогдашнее святые – это Александр Невский, мой небесный покровитель Никола Чудотворец, целитель Пантелеимон, Сергей Радонежский... Кукша – мой современник, почил в 1964 году. Не вмещалась в меня его святость. Прошло не так много времени, в 1994 году Кукша был прославлен в лике преподобных. День его памяти 29 сентября.

Отец Алексей тоже хорошо знал Кукшу. И тоже наставлял молиться ему. Сейчас паломники монастыря обязательно идут к раке с мощами Кукши, ну и к могиле батюшки Ионы.

Как-то мне бросился в глаза офицер, насколько помню – полковник. Солидный мужчина, в форме, седина. Почему заострил внимание? Не в первый раз видел его в монастыре. И не из праздно шатающихся – крестится, молится. Спросил у отца Ионы. В монастырь приезжали молиться и такие, по которым сразу было видно – не простого рода-племени... Я человек любопытный, тут же старался выяснить у кого-нибудь из насельников, что за необычный паломник...

В тот раз у отца Ионы спросил по поводу военного. Батюшка поведал следующую историю. Девушка приехала к Кукше и говорит: «Жить в миру – не моё, хочу принять монашеский постриг. Дом продала, вот деньги». Достает из сумки пакет. Решительная девушка. Мол, не с пустыми руками пришла. А старец и говорит: «Возвращайся домой, выйдешь из поезда и первому, кто тебе встретится, отдай деньги». Она посчитала волей Божией услышанное от старца. Поехала домой, вышла из поезда на своей станции, налево-направо посмотрела – никого нет. Направилась вдоль путей, вдруг навстречу военный. Ещё подумала, офицер не может быть бедным, но раз сказал батюшка: «Отдай первому повстречавшемуся», протянула пакет со словами: «Это вам». Лейтенант пришёл к железной дороге с твёрдым намерением броситься под поезд. Накануне проиграл в карты крупную сумму казённых денег и другого выхода не нашёл, как наложить на себя руки. Оружия не было, выбрал железнодорожный вариант. С недоумением развернул полученный от незнакомки пакет и увидел сумму как раз для погашения недостачи. А вскоре женился на спасительнице.

Мне верилось и не верилось. Тем не менее – вот он, тот самый военный. Тогда увидеть человека в форме в монастыре – крайняя редкость. Второго случая не припомню. Этот приезжал несколько раз при мне.

Я ведь не успокоился, спросил у отца Епифания про военного и от него услышал ту же историю.

Отец Епифаний жил с радостью в сердце. В общении – светлый. Но когда я в девятностые годы увидел его, был потухшим, потерянным. Произошла метаморфоза после публикации воспоминаний о Кукше. Написала их монахиня, которая приезжала к игумену задолго до своего пострига, в молодости. Отца Епифания изобразила злобным, ненавидящим Кукшу, считая, что через него действовал враг, изводящий схиигумена со света. По её воспоминаниям, послушник Николай (будущий отец Епифаний) не дружил с головой, был страшно груб со старцем, командовал им. Окончилось тем, что холодным октябрём выгнал его из кельи, в результате чего Кукша простудился, заболел и умер.

Зачем написала? Ради того, чтобы показать страдания старца? Хотела того или нет – впала в грех осуждения. Мне представляется, монахиня по фрагментам, которые видела сторонним взглядом, не зная всей картины, сделала заключение о целом. К примеру, отцы Геннадий и Тихон, перебирая старые доски, что шли на дрова, могли повздорить, раскричаться. Со стороны посмотришь: да эти истеричные деды хуже, чем кошка с собакой живут. На самом деле – неразлучные друзья. У Кукши сильно болели ноги, страдал от тромбоза, и возраст под девяносто. Допускаю, это была своего рода игра, согласованная со старцем. Келейник отгонял паломников, шумел на старца, видя, что тот держится из последних сил и срочно нуждается в отдыхе. Тогда как паломникам казалось, келейник груб со старцем, крутит им, как в голову взбрёт. Но это была видимая сторона. Кукша в последние годы мог принимать посетителей, а по его ногам кровь текла, собиралась в сапоги. Келейник, вырвав старца у паломников, мыл ему ноги, мазал мазями, ухаживал за ним.

Мне, знавшему отца Епифания, думается, монахиня перегнула палку, написала со значительным преувеличением. Что стало для отца Епифания ударом.

Никогда не замечал, что он слаб умом, как написала монахиня. Мы много лет не виделись, приехал в монастырь, отец Епифаний сразу узнал:

– О, Николай! Ты уже священник! Это хорошо!

«Сильные умом» не все вот так сходу вспомнили...

Если подвести итог моего трудничества в монастыре, я увидел ту самую «кухню», о которой говорил в Омске отец Борис. Приехал одним человеком, уехал другим. Открыл для себя мир, о котором и не догадывался, который существовал параллельно

светскому миру и по своим законам – доброта, смирение, нестяжание, вера, молитвенное состояние. Был в монастыре, как в семье, с кем-то ближе, с кем-то дальше, но это стало моим, ничем не заменимым. И работа не в тягость. Несёшь послушания, ходишь на службы, читаешь в церкви, поёшь. Дни идут, а на душе хорошо – ты там, где должен быть, на своём месте, ты здесь свой.

Обстоятельства сложились так, мне надо было возвращаться в Омск. Планировал до тысячелетия Крещения Руси отбыть, отец экононом попросил остаться, помочь в подготовке к празднику. Не мог отказать, задержался на полтора месяца и только потом уехал.

– Приезжай, – звал батюшка Иона, прощаясь со мной. – В гости ли, навсегда ли – приезжай.

Вернулся в Омск, и как раз началось казачье движение. По отцу я – из уральских казаков. Стал ходить на казачьи мероприятия. Звания тогда за просто налево-направо раздавали, сделали меня сотником. Сотник налицо, в сотне – ни одного казака. Начал искать казаков себе в подчинение. Времена шли бурные, Союз развалился, вспыхнули боевые действия в Приднестровье. Войсковой атаман Тупиков несколько раз ездил туда с нашими ребятами воевать. В очередной раз набирает группу, я решил тоже поехать. Назвался груздем – полезай в кузов: не для карнавала надел казачью форму. С автоматом обращаться умел, в армии не писарем в штабе обретался.

Вдруг поступает предложение – автомат заменить крестом иерея. Атаман второго отделения нашего казачьего войска Волин говорит:

– Николай, ты в церковь ходишь, в монастыри ездешь, пришла бумага: в Новочеркасске организуются курсы полковых священников. Отучишься на курсах и поедешь в Приднестровье священником. Казак без веры – не казак. Без тебя есть кому с автоматом воевать, нам нужны свои батюшки. Возьми благословение у владыки Феодосия – и вперёд. Казаки решили, ты самая подходящая кандидатура.

Предложение атамана пришлось по душе – и казак, и священник. Поживу, думаю, в центре донского казачества, съезжу в Вёшенскую станицу, поклонюсь могиле Шолохова. Окончу курсы и поеду в Приднестровье полковым к нашим казакам священником. Вписали моё имя в направление на курсы. Самая что ни на есть официальная бумага, со всеми печатями. С ней отправился ко владыке Феодосию, митрополиту Омскому и Тарскому, будучи уверенным, через неделю еду в Новочеркасск. Владыку Феодосия тогда практически не знал. В церкви, ко-

нечно, видел, на архиерейских службах был. Он меня вообще не знал, кто я и чем дышу.

Владыка пробежал глазами направление, улыбнулся, как только он мог улыбаться, с хитринкой, и развернул дело по-своему.

– Для начала, – говорит, – возьми квач, помоги женщинам мыть стены собора. А потом мы на тебя посмотрим.

По его тону понял, сходу не благословляет на курсы. А без благословения куда поедешь? Самочинство будет.

Владыка, отправляя на послушание, добавил:

– Завтра часам к восьми вечера приходи ко мне домой, побеседуем.

Стал к нему ходить, разговоры разговаривать. Какое-то время был вроде референта при нём и сторожа. Отвечал на звонки, когда его дома не было. Владыка мог улететь в Москву на несколько дней, меня оставлял присматривать за домом. Взялся он за меня основательно, стал привлекать на архиерейские службы иподьяконом, потом направил пономарём в Казачий собор к настоятелю Виктору Чухно. Комплексно подошёл к моей грешной персоне, так как надумал рукоположить в священники. Даже матушку мне, холостому да неженатому, организовал и в роли свахи выступил, только что сватов не засылали, а так проявил завидное упорство в достижении цели.

Получилось следующим образом. Владыка взял меня с собой в район на церковно-светское мероприятие и приметил, вот уж глаз был у него, что я проявил интерес к хористке. Евгения пела в светском хоре, отличный был коллектив, прекрасный руководитель Вера Михайловна – человек верующий, хор исполнял много духовных песен. Владыка с большой симпатией относился к этому коллективу.

Интересное было время. Церковь только-только вырвалась из-под гнёта советской власти. Владыка трудился на всех фронтах. И в церкви, и в миру. Сидел в президиумах светских мероприятий, не только лишь сидел, нёс пасторское слово, а проповедником он был отменным, открывал приходы по всей области, организовывал духовные концерты. На одном из них и узрел факт моего интереса к хористке.

По отдельности мне и ей назначил прийти в одно и то же время к нему на чай. Ничего не подозревая, прихожу и застаю Евгению. Не придал этому никакого значения. Мысли не возникло, что неслучайно разом оказались у владыки. Евгения была правой рукой руководителя хора, ту владыка привечал у себя, поэтому я посчитал – Евгения решает с вла-

дыкой творческие вопросы. Пьём чай, о чём-то беседуем.

Владыка вдруг выдаёт:

– Сiju и люблюсь на вас, молодых и красивых, вижу – из вас получится прекрасная пара. Николая будем рукополагать в священники, ему нужна хорошая матушка. Благословляю вас под венец.

Евгения вспыхнула до корней волос, брызнула из-за стола. Удрала.

Владыка улыбается:

– Это хорошо! Плохо, если бы на шею тебе бросилась.

Через день звоню Жене, опасался: вдруг наотрез откажется встретиться после сватовства у владыки. Нет, пришла. Ни слова ей об инциденте у митрополита, и она молчит на данную тему. Однако владыка был человеком целеустремлённым, если что решил – не свернёшь. Касалось ли это глобальных вопросов – строительства Христорожественского собора, восстановления кафедрального Свято-Успенского или сугубо частного случая – женитьбы будущего священника. Если долго не рассказывать, после некоторых колебаний дала Женя согласие, я доложил владыке, он определил, в каком храме будем венчаться, назначил священника. Я справил наряд жениха – костюм, туфли, рубаху. Всё чинчарём. Женя платье подвенечное сшила. Но в последний момент струсила. Не явилась в церковь. Ждём-пождём, а невесты нет.

Говорю владыке:

– Владыка святой, нет так нет! Насильно мил не будешь. Слишком старый я для неё.

Мне тридцать девять, ей всего двадцать пять.

Владыка как ни в чём ни бывало:

– Николай, не хвилюйся, добивать будем!

Да ещё со своим украинским акцентом: «добивать будем».

Уважаемый верующими и властями митрополит, пожилой человек, выделил время, приехал на венчание, а невеста выкинула фокус. Что интересно, не обиделся, что его благословение игнорируется.

– Вот увидишь, – уверенно сказал, – гарная матушка получится!

И вторая попытка венчания оказалась неудачной – невеста повторила фокус с неявкой. Никак не могла решиться на столь важный шаг. В третий раз владыка назначил «добивать» в Казачьем соборе. Там ещё стоял орган, перед ним ряды белоснежных кресел, богослужения проходили в боковом приделе. Ничего умнее не придумали в советское время – устроить в православном храме органный зал. После возвращения храма епархии орган долго не де-

монтировали, по назначению не использовался, но стоял.

В третий раз собрались мы венчаться перед Петровским постом, едва не последний день, когда можно было. Дальше бы на долгий месяц отложилось. И снова та же картина, что и в предыдущие разы. Жених во всей подвенечной красе, в тёмно-синем костюме, белой рубашке, побрит, пострижен, наглажен, владыка в наличии, священник, настоятель храма отец Владимир Чухно, в облачении, венцы приготовлены, дружка, кому венец над моей головой держать, в полной готовности выполнять торжественную миссию, хор в ожидании отмашки регента поддерживать таинство пением, сочувствующие (несколько казаков, друзья) подошли, а невесты тью-тью. Обещала, божилась – больше ничего подобного не повторится, и снова здорово... Пытаюсь дозвониться ей – никто не отвечает. Нервничаю, будто сам виноват. Ругаю возлюбленную на чём свет стоит. Как так можно? Ну скажи: «Нет», рубани с плеча, да и дело с концом.

Владыка подождал-подождал, крикнул, сел в «Волгу» и поехал в свою резиденцию. Проводили его, поднимаюсь по ступенькам паперти, впереди батюшка Владимир, я следом. Сейчас, думаю, извинюсь перед собравшимися и поставлю жирную точку в истории с венчанием. Зол был на Женю, не то слово.

Слышу, батюшка радостно возглашает:

– А вот и невеста!

Женя идёт с подругой. Постеснялась в подвенечном платье приехать, с собой взяла. Батюшка Владимир тут же владыке позвонил. И здесь он не фыркнул. Пока невеста надевала подвенечный наряд, вернулся. Оказал нам честь. Жена зашла в придел, владыка уже там, будто и не уезжал.

Вскоре меня в том же Казачьем соборе рукоположил в дьяконы. Месяца три служил дьяконом в Крестовоздвиженском соборе, тогда был он кафедральным, потом поехал с владыкой в Крутинку, где был рукоположен в священники. На обратной дороге владыка оставил меня в Саргатке – создавать приход, решать вопрос с храмом.

Так я стараниями владыки Феодосия, вечная ему память, стал священником. Отдельное спасибо владыке за матушку, если бы не его настойчивость... Пятеро деток у нас...

Два года разрывался между Омском и Саргаткой, потом владыка поставил настоятелем саргатского храма отца Серафима, с той поры служу только в Крестовоздвиженском соборе.

Там в первой половине девяностых познакомился с Иваном Антоновичем.

Сам по себе Иван дотошный, воцерковляясь, то и дело подходил с какими-то вопросами, а потом говорит:

– Батюшка, будьте моим духовником.

Я – в отказ. Какой из меня духовник? Попытался объяснить, что духовники, в моём понимании, это многоопытные в духовном делании священники, монахи, такие как отцы Свято-Успенского Одесского монастыря Арсений или Алексий, а теперь ещё и батюшка Иона. Я в священниках всего ничего, какой из меня духовник-наставник.

Иван Антонович твердил своё:

– Вы из уральских казаков и я. Мы одного возраста...

Одним словом, подружились мы. Брак у него был невенчанный, обвенчал их. И вдруг эта трагедия – у него погиб старший сын. Я отведал. Девять дней прошло после смерти, Иван весь чёрный ходит, на жену его Ольгу вообще смотреть больно.

– Иван, – предлагаю, – а поедем-ка в Одессу к батюшке Ионе.

Он согласился.

В СВЯТО-УСПЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ **Второй рассказ раба Божия Иоанна**

103 В год гибели моего Антона было у батюшки Николая и матушки Евгении две дочери. В Одессу поехали мы семьями, они вчетвером, я с женой Олей и младшим десятилетним сыном Петром. В Одессе с вокзала прямо с чемоданами направились в монастырь. Отец Николай первым делом обратился к старому знакомому отцу Виталию, эконому, царствие ему небесное, почил уже. Тот призвал к себе монахиню Марию и попросил разместить сибиряков у неё в доме. Всё решилось в какие-то полчаса.

Матушка Мария жила в трёхстах метрах от монастыря. Двухэтажный дом, уютный дворик, даже садик ухоженный имелся. В далёкие пятидесятые-шестидесятые годы матушка была духовным чадом и келейницей владыки Одесского и Херсонского митрополита Бориса (Вика). Рассказывала, был он человеком с большим сердцем, многим помогал. И её поддержал в трудный период.

Матушку Марию арестовали за хранение обращения Иоанна Кронштадтского к русскому народу. Пусть умер святой задолго до установления власти советов, карающие органы посчитали антисоветским его призыв к русским, к России твёрдо держаться веры православной, церкви и царя православного, иначе будет страна «не Россией, не Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев». Отсидела матушка в общей сложности восемнадцать лет

гулаговских лагерей. Много скорбей пришлось претерпеть женщине. На свободу вышла, а ни кола, ни двора, ни родственников. Владыка Борис приютил в своём доме, жил он вместе с мамой. Мария стала помогать по хозяйству, трудилась в Свято-Успенском монастыре. Архипастырское служение владыки Бориса на Одесской кафедре совпало с годами хрущёвской злобы на церковь. Митрополит активно и небезрезультатно противодействовал закрытию церквей в своей епархии. С владыкой нельзя было разговаривать только на уровне приказов, пользовался большим авторитетом в народе, архиерейские службы проходили в переполненных храмах, паства шла за ним. Поэтому был бельмом в глазу властей предрежащих, немало врагов нажил. И надорвал сердце. Умер в пятьдесят девять лет от инфаркта, а потом и мама его умерла, похоронена рядом с сыном на монастырском кладбище. Умирая, завещала дом матушке Марии, она к тому времени уже постриг приняла. Так что жили мы в бывшем архиерейском доме.

Матушка Мария приняла нас как родных, выделила большую комнату, в ней все вместе разместились. Монастырь рядом и атмосфера в доме самая благодатная. По вечерам матушка Мария приходила к нам, душевно разговаривали, читали книгу «Отец Арсений», она только-только появилась.

Отец Николай по дороге в Одессу сказал, что в обители надо обязательно поработать. Эконом отец Виталий поприветствовал наш трудовой порыв и отправил батюшку в распоряжение келаря отца Никона, тот его на фитофтору определил, я попал бригаду, которой руководил иеромонах отец Иоанн. Говоря по-научному, пришлось мне поучаствовать в решении логистической задачи по погрузке-разгрузке, перемещению грузов из точки А в точку Б. Вместе с отцом Иоанном возили на тележке бетонные столбы для забора, которым огораживали складские помещения на территории монастыря. Три дня занимался заборной логистикой, а потом отец Николай упросил отца эконома дать нам общее послушание. Объяснил ситуацию с погибшим сыном. Отец Виталий внял просьбе и, к большому недовольству отца Иоанна, отправил меня на фитофтору. Отец Иоанн в резкой форме высказал отцу Николаю своё негативное отношение к такой перестановке послушаний: не хватает рук забор ставить, а он, пользуясь благосклонностью отца эконома, забрал нужного работника, тем самым оголил фронт. Позже, правда, они примирились.

В южной части монастыря, ближе к морю, располагался виноградник, а рядом с ним большое поле

помидоров. Помидоры росли не как в Сибири, без ухищрений с колышками, подвязыванием каждого стебля – прямо на земле. И урожай – красным красным. Но много плодов, поражённых фитофторой. Их мы убирали, дабы болезнь не поражала здоровые.

Я работой с отцом Иоанном был доволен, он проявил живой интерес ко мне, расспрашивал о Сибири, о моей службе в армии и понемногу начал рассказывать про батюшку Иону. Не сразу, видимо, приглядывался, можно-нет доверять информацию про старца паломнику-омичу. Тогда ещё ничего не писали о батюшке Ионе. После работы отец Иоанн накрывал стол в саду, вкушали вместе, беседовали.

Отец Николай сказал перед поездкой в монастырь, что в Одессе живёт редкий угодник Божий, старец Иона. Такой же почитаемый на Украине, как в России протоиерей Николай Гурьянов с острова Залит, архимандрит Кирилл (Павлов) из Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) из Псково-Печерского монастыря.

Втайне я надеялся, отец Иоанн был вхож к батюшке Ионе, он поспособствует встретиться со старцем, что было не так-то просто. Прямо сказать – совсем не просто. Ворота в монастырь открывали в шесть утра, а уже с трёх-четырёх ночи начинала расти очередь у ворот – жаждущие попасть к отцу Ионе.

101 Отец Николай говорил:

– Надо хорошо молиться, чтобы побывать у него. Тут как Бог управит.

О старце Ионе много поведала Тамара, его духовное чадо. Мы жили у матушки Марии на первом этаже, Тамара в этом же доме – на втором. Как уже говорил, при доме садик, думаю, ещё от владыки Бориса остался. Виноград, яблони, груши, абрикосы. Дневной зной спадёт, и так хорошо посидеть, наслаждаясь южной благодатью. Тамара рассказывала, что батюшка Иона родился в 1925 году на Кировоградчине девятым ребёнком в семье. Назвали Владимиром. Родители крепко держались веры православной. За это, скорее всего, как идеологические противники новой власти попали под раскулачивание. Была в хозяйстве лошадь и коровёнка, а как без этого прожить большой семье. Наличие скотины стало поводом для записи в кулаки, с последующей экспроприацией движимого на четырёх ногах и недвижимого имущества.

В пятнадцать лет Владимир начал трудовую деятельность на кавказских нефтепромыслах. Было время, зарабатывал на хлеб шахтёром, потом трактористом. Однажды ночью пахал на тракторе, сморил его сон под монотонное урчание мотора – уснул

за рычагами молодой парень. Внезапно проснулся, а в свете фар перед капотом женщина стоит, секунда – и наедет на неё. Остановил трактор, выскочил, глядь, никого нет, а гусеницы в метре от крутого обрыва. Ещё немного и сверзился бы в глубокий овраг. Отец Иона говорил: «Это Богородица меня от смерти спасла».

Был батюшка в миру не паинькой. В молодости никого не боялся, ходил с ружьём. Отец упрекал сына, мол, никто в семье оружия не носил... По словам Тамары, батюшка с неохотой вспоминал ту свою жизнь, нелицеприятно отзывался о себе. Был мужчиной жёстким, сильным и гордым. В начале шестидесятых годов заболел тяжёлой формой туберкулёза и оказался в одной палате с такими же обречёнными на смерть. Одного вперёд ногами вынесли, второго... Глядя на эту картину, дал обет посвятить себя Богу, если удастся выйти из больницы.

И случилось чудо. Начал на глазах оживать. По логике болезни обязан был чахнуть, а всё происходило с точностью до наоборот. Бесповоротно пошёл на поправку. Выписали как совершенно здорового человека, даже рубцов в лёгких не осталось.

Обет, данный Богу, вчерашний смертельно больной не забыл. Отправился в Абхазию к монахам-пустынникам, что ставили кельи в безлюдных местах среди гор и славили Бога вопреки всем гонениям и напастям. Претерпевали изрядно. Выискивали их с вертолётов, арестовывали, бросали в камеры к уголовникам. Этой участи батюшка Иона избежал, какое-то время пожил среди пустынников, а потом отправился в Одесский Свято-Успенский монастырь в надежде стать трудником, славить Бога в молитве, работать вместе с братией во славу Божию. И получил категорический от ворот поворот: ни под каким видом в обитель взять не можем. Не потому, что не нуждался монастырь в рабочих руках. Ещё как требовались они, тем более те, которые к любому делу пригодны: и крестьянствовать могут, и в сугубо рабочих специальностях разбираются. Всё объяснялось просто: власть в очередной раз ополчилась на церковь, на всякие ухищрения шла в намерении закрыть один из последних монастырей. На тот период категорически не разрешалось брать в обитель даже трудников.

Батюшка Иона отчаиваться не стал. В Абхазии пустынножители как только не приспособливаются, сгонят с одного места, в другом ставят кельи из подручного материала. Один в дупле устроился. Однажды решил сходить с визитами к братии, кто поблизости жил, а никого нет – кельи разорены. Милиция по наводке вертолётчиков устроила облаву. Лишь келью-дупло не засекали с воздуха.

Батюшка Иона пошёл на берег моря, на котором монастырь расположен, в глиняном обрыве, где стрижи норы роют, выкопал себе пещерку. Обосновался почти как пустынный в первые века христианства. В пещерке несколько месяцев жил и молился, просил Матерь Божию принять в свою обитель.

Местные власти, всячески досажая монастырю, пытались не мытьём, так катаньем подвести его к закрытию. Придумали светлые партийные головы темнотой одолеть оплот православия – отключили подачу электроэнергии. Пребывали в полной уверенности: монахи поживут-поживут без электричества да и разбредутся кто куда. При лучине большое монастырское хозяйство не потянешь. Обитель не только себя содержала, государство драконовскими налогами обложило монахов. И не могли не заплатить вовремя. Это колхозам сроки проплат сдвигались, суммы долгов скащивались или списывались вовсе, монастырям – нет. Вынь да положь в указанный срок назначенную сумму. Монахи в ответ на происки властей с отключением электричества раздобыли мощный дизель-генератор военного образца. Нашли выход из тупиковой ситуации. Одна загвоздка: обслуживать технику некому – нет дизелиста среди братии. Священнослужители есть, певцы есть, электрики есть, водопроводчики есть, виноградари есть, специалиста по эксплуатации дизеля – ни одного. Тут-то и вспомнили о трактористе, что просился в обитель. Отец-наместник призвал к себе упрямого мужика.

Потом отец Иона будет вспоминать: «Я-то думал, в монастыре только и буду в молитвенной тишине к Богу взывать, а у меня опять в ушах шум дизеля».

Следующую историю не от Тамары слышал, в поле, когда на фитофторе работали, семинарист рассказал.

Владыка митрополит Сергей (Петров), был он человеком сановитым, по-генеральски представительным, однажды присмотрелся к братии монастыря и ну отчитывать, дескать, негоже ходить в поношенных, латаных-перелатаных подрясниках: «В обитель паломники приезжают со всех краёв, его святейшество патриарх в любой момент может заявиться, а вы ходите в затрапезном виде». Не будешь возражать архипастырю, что не избалована братия разнообразием гардероба. Если и есть подрясники поновее, так они в церковь на службы одеваются, зачем понапрасну трепать...

Высказал владыка претензии братии. А когда стали подходить к нему под благословение, появился инок Иона, доселе отсутствовавший по причине

выполнения срочной работы – ремонтировал дизель-генератор. Подойдя к митрополиту, на глазах у всех наклонился и вытер руки, измазанные соляной и машинным маслом, о шёлковый подризник владыки. Затем взял архиерейское благословение и как ни в чём не бывало пошёл дальше реанимировать раскапризничавшуюся технику.

Митрополит Сергей, только что распекавший братию за внешний вид, проявил удивительное смирение. Ни слова, ни полслова не промолвил по поводу дерзкого поступка инока. А вскоре одарил монахов новыми подрясниками. В том числе и инока Иону.

В тот день мы с отцом Николаем пришли в трапезную на обед. По уставу сначала монахи трапезничали, потом все остальные. Мы припозднились, заходим в трапезную, Бог ты мой, никого нет, а батюшка Иона арбуз вкушает. Перед ним в глубокой тарелке стоит средних размеров нарезанный аккуратными ломтями арбуз...

У меня сердце оборвалось, вот он, батюшка... Впервые за пять дней увидел. На территории монастыря постоянно был в ожидании, вдруг появился откуда-нибудь, не пропустить бы... Ему тогда было чуть за семьдесят лет. Крепкий, борода с густой седой, но, видно, когда-то была смоляной черноты...

Отец Николай спросил:

– Батюшка Иона, не узнаёте меня?

– Как же тебя не узнать, – сказал батюшка и шутиливо пропел:

*Коля-Коля-Николай,
Сиди дома – не гуляй!
К тебе девушки придут,
Поцелуют и уйдут!*

В это время в трапезную вошёл высокий статный монах в клобуке. Лет сорок с небольшим. Роскошная густая борода.

Батюшка Иона представил его отцу Николаю:

– Это моё духовное чадо. Офицер, полковник.

Монах взял у батюшки Ионы благословение и ушёл.

Отец Николай на меня показал.

– А вот моё духовное чадо, тоже полковник. – И добавил: – У него сын недавно погиб.

Только это и сказал обо мне. Я сел в сторонке, мне принесли поесть. Отец Иона начал расспрашивать отца Николая об Омской епархии. В один момент повернулся в мою сторону, передал ломоть арбуза.

– Бери кушай. Вкусный кавун.

Минут десять они беседовали. Батюшка Иона поднялся уходить.

Я всё это время сидел, как на старте, вскочил, шагнул к нему:

– Благословите, батюшка.

Он молитву прочитал и говорит:

– Не печалуйся, чадо. Кто убивает, грехи убиенного на себя забирает.

Отец Николай ничего не говорил батюшке об обстоятельствах смерти сына. Я в пяти метрах сидел, весь разговор слышал. Только и прозвучало обо мне, когда представлял: «У него сын погиб».

Кто бы только знал, как мне стало легко после слов батюшки. Словно многотонная глыба свалилась с души, под гнётом которой жил после смерти Антона.

«Кто убивает, грехи убиенного на себя забирает».

Фактически сказал: «Убили Антона»...

Понимаю женщину, которая пришла к старцу со своими печалью и грехами и бежала от него, не чуя под собой ног, ликуя от счастья: «Батюшка Иона сказал, что любит меня!».

Отец Иона (рука у него лёгкая, будто воздушная) благословил, в моей голове пронеслось: «Вот бы ещё сына и жену благословил».

Буквально на следующий день Оля с Петей и матушкой Марией идут по монастырю, навстречу батюшка Иона, обычно вокруг него коловращение, здесь – никого. Они к нему под благословение...

Как можно не верить после этого в милость Божию.

НЕ БЫВАЕТ КЛАДБИЩЕ БЕЗ ПРАВЕДНИКА **Третий рассказ раба Божия Иоанна**

В танковом училище был у меня друг и товарищ Валера Самохин. Отличный парень, даже породнились, наши жёны – двоюродные сёстры. На третьем курсе дали нам увольнение, Валера пригласил к своей зазнобе: «Пошли-пошли, к моей Надежде сеструха сродная приехала из района, не теряйся – отличная деваха». Я, слава Богу, не растерялся. С девушками застенчивый был, тут крепко задружил. После училища пути-дороги наши с Валерой редко пересекались, но как ни встретимся, подначивал: «Ты меня аж бегом обязан коньяком поить за такую жену!».

Валера тоже помотался по Союзу. На Дальнем Востоке начинал службу, потом – Алтай, Горьковская область, Германия, наконец, Украина. На год раньше меня академию окончил. Головастый, хваткий. На Украине осел. Смеялся: «Перепуталось всё кверху ногами. Русак Самохин в Украине, а хохол Савченко в Сибири!» При развале Союза он был заместителем

командира дивизии в Закарпатье, полковник. Ему пообещали: «Останешься в Украине, через полгода станешь командиром дивизии и получишь генерала». Он клюнул. Валера профессионал, всё прошёл: от взводного до замкомдива. Он бы и дивизией командовал лучше многих. Одним словом, присягнул Валера Украине. Чем крайне раздосадовал своего отца. Дядя Слава – из серьёзных мужиков. Фронтовик, танкист, четыре экипажа сменил в войну, не один раз горел в танке, до Праги дошёл. Категорически не согласился с выбором Валеры. Подвыпив, стучал кулаком по столу: «Ты мне не сын!» Обиделся страшно: «Два раза присягу не принимают!».

Запад активно подтягивал Украину под свои знамёна. Валера ездил «перенимать опыт» в войска США, НАТО. Два раза подавали его документы на присвоение генерала, оба раза не прошло. Приоритет отдавался национальным кадрам. Так и не стал командиром дивизии. Потом ему предложили генеральскую должность в национальной академии обороны, Валера переехал в Киев. Но это я забегаю вперёд.

Как бы там ни было, не осуждал его выбор, остались друзьями. В 2009 году Валера пригласил нас с женой в гости: «Киев покажу, потом поедем под Одессу на море, отдохнём по высшему разряду». Я с радостью согласился. Первое, что пришло в голову: ещё раз побываю у батюшки Ионы. Прошло двенадцать лет после нашей встречи. Пять дней в Киеве у Валеры гостили, я первым делом настоял на посещении Киево-Печерской лавры...

Потом поехали вчетвером (он с женой и я с женой) в Чабанку, в ней стояла танковая бригада. Вот где служба – двадцать километров от Одессы, берег моря. Это не забайкальские степи у границы с Китаем. Валера, как и обещал, всё устроил в наилучшем виде – поселили нас в отдельно стоящем генеральском домике. Море, солнце, купались, загорали.

День на третий говорю Валере:

– Как бы в Свято-Успенский монастырь съездить?

– Да без проблем, – уверенно прозвучало в ответ.

На следующее утро машина была подана к крыльцу. В первый раз вчетвером поехали, а потом с женой вдвоём паломничали в обитель.

Во вторую нашу поездку отстояли с женой литургию, после службы выходим, архиерей Пимен на солнышке сидит.

– Отец Пимен, – спрашиваю, – разрешите присесть рядом с вами?

Он хорошо знал батюшку Николая ещё по тем временам, когда тот в трудниках подвизался в мо-

настыре. Отец Николай смешно рассказывал, как отец Пимен однажды подскочил к нему: «Мыкола, – заполошно говорит, – трэба взять драбыну и подняць шпаківню!».

Я начал рассказывать отцу Пимену, что приезжал сюда двенадцать лет назад с отцом Николаем.

Он вспомнил отца Николая, на мой вопрос о батюшке Ионе ответил:

– С неделю как на Афон уехал.

Батюшка почти каждый год ездил на Святую гору.

Так и не удалось больше повидаться с ним. Валера Самохин и на следующий год звал в Одессу, я засобирился, позвонил матушке Марии, узнал, что батюшка Иона в монастыре и никуда не собирается. Купили билеты, но за два дня до отъезда жена порвала связку на ноге.

Сейчас остаётся только мечтать, что когда-нибудь сподобит Бог на могилке у батюшки побывать. Четвёртый год каждое утро читаю молитву «О прекращении междоусобной брани», прошу Господа: «Лишённые крова введи в дома, алчущие напитай, плачущие утеши, разделённые совокупи... Не остави стадо Свое, от сродник своих, во озлоблении сущих, умалитися, но скорее примирение яко щедр даруй...» Украина для меня закрыта. Валера, само собой, больше не приглашает. Он, хоть и ушёл в отставку, но по-прежнему преподаёт в национальной академии (кстати, генерала ему и здесь не дали), и приезд в гости полковника-танкиста из России для него грозит большими неприятностями. С началом военных действий на Донбассе позвонил, подвыпивши был (чаще в таком состоянии звонит), и пусть полшутя, но стал наезжать: «Ну что, агрессоры?». Я ему жёстко ответил и положил трубку. С того раза, если звонит (или я на день его рождения), разговоры разговариваем только на бытовые темы, политику не затрагиваем.

В 2009-м мы отлично, спасибо Валере, отдохнули. Чудный вечер провели с женой у матушки Марии. Встретились случайно в обители, она зазвала к себе, потчевала нас варениками домашними и чаем с абрикосовым вареньем. Матушка рассказала интересную историю из недавнего прошлого Свято-Успенского монастыря. Отец Николай, кстати, тоже знал её, он ведь после Чернобыля приезжал в монастырь поступать в семинарию. Спросил его: «Почему не рассказали, батюшка?» – «Как-то, – говорит, – к слову не пришлось».

Радиоактивное облако после взрыва на Чернобыльской АЭС прошло над Одессой. Невидимая радиоактивная грязь не миновала миллионный город.

107

Подняли военных для проведения дезактивации. Те, прежде чем начать её, составили дозиметрические карты.

Посмотрели на них, и возникло два вопроса. Во-первых, на территории Свято-Успенского монастыря – чисто. Вокруг грязно, а здесь, словно в радиоактивном облаке дыра над обителью образовалась. Причём чисто не только на площади, ограниченной забором монастыря, немаленькая территория, примыкающая к обители, тоже не сифонит. Это первый загадочный момент. Второй – кладбища чистые. Ни на одном погосте нет повышенного радиационного фона.

Военные приехали к отцу Вадиму, заместнику Свято-Успенского монастыря, за разъяснением. Положение на Украине сложилось более чем тревожное. По радио вещали: «Всё хорошо, оснований для беспокойства нет». Осведомлённые люди знали – есть все основания для тревоги. Чернобыль продолжал представлять реальную угрозу, никто не мог дать гарантий, что четвёртый блок не рванёт ещё раз. Поэтому военным было не до реверансов в сторону государственной атеистической идеологии, смело приехали в обитель за разъяснением, каким образом товарищи монахи добились чистоты на своей территории? Уж не сами ли нейтрализовали радиоактивную грязь?

Отец заместитель собрал многоопытных монахов, доложил о вопросах, поставивших военных химиков в тупик.

Кто-то из отцов предложил для наглядности провести эксперимент. Попросил принести морской воды для замера уровня радиации.

– Я без дополнительного замера знаю, – сказал один из военных, – сифонит море.

Воду всё-таки принесли. Дозиметр показал значительное превышение нормы. Отцы освятили морскую воду и передали военным, мол, делайте контрольный замер. Те пожали плечами, мол, зачем? Но дозиметр «нащёлкал» норму.

– И что, вы вот так по всей территории молились? – удивились военные.

– В монастыре молитва не прекращается никогда, – сказал отец заместитель, – и не только в связи с Чернобылем.

– Ладно, допустим, – согласились военные, – у вас чисто из-за молитв, а как же кладбища? Там-то почему? В разных местах расположены, однако какое ни возьми, вокруг их территорий грязно, среди

могил – никаких отклонений? Получается, покойников не берёт радиация?

Ответ отцов-монахов ещё больше озадачил военных.

– На каждом кладбище, – объяснили, – хотя бы один праведник лежит. Он и освящает землю.

– Хорошо, пусть будет так: на кладбищах, как вы говорите, праведники, в монастыре – молитвы, но почему за забором у вас чисто? Целый кусок территории не тронут?

На этот вопрос отцы сходу не ответили, взяли тайм-аут.

Покопались в своих архивах и нашли дореволюционную карту Одессы, на которой монастырь обозначен в первоначальных границах. Сравнили с дозиметрической картой. Всё стало ясно. Земля за забором обители не была загрязнена по той причине, что она долгие годы принадлежала монастырю, пока советская власть не начала борьбу с «религиозным дурманом», не потеснила монастырь, отхватив от его угодий добрый кусок земли. Улицы на нём проложили, дома поставили...

Такую историю рассказала матушка Мария.

В тот приезд в Одессу так и не удалось повидаться с батюшкой Ионой, надеялся, вдруг вернётся с Афона, но нет. А с его духовным чадом, Тамарой, с которой познакомился в первый наш приезд, столкнулся в обители. Рассказала, что батюшка Иона начал сдавать в последнее время. Не такой энергичный, частенько болеет. Живёт с сердечным кардиостимулятором. А паломников к нему стало ещё больше. Отовсюду едут, даже из Франции и Германии, а есть дедок-американец, так он каждый год из США специально прилетает.

С Тамарой обменялись сотовыми телефонами, но позвонил ей только через три с половиной года, как только узнал, что батюшка Иона преставился.

Тамара расплакалась в трубку:

– Нет больше нашего батюшки, нет нашего молитвенника. Осиротели. Кто теперь будет просить Бога за нас грешных?

Поплакала, потом говорит:

– Батюшка предсказал, через год после его смерти начнутся большие нестроения, будет кровавая пасха. Расспрашивать его, конечно, не стали, что он имел в виду под кровавой пасхой? Но сказал так.

Умер отец Иона в декабре 2012 года.

Слова Тамары сразу вспомнились в 2014 году, когда начались кровавые события на Украине.

